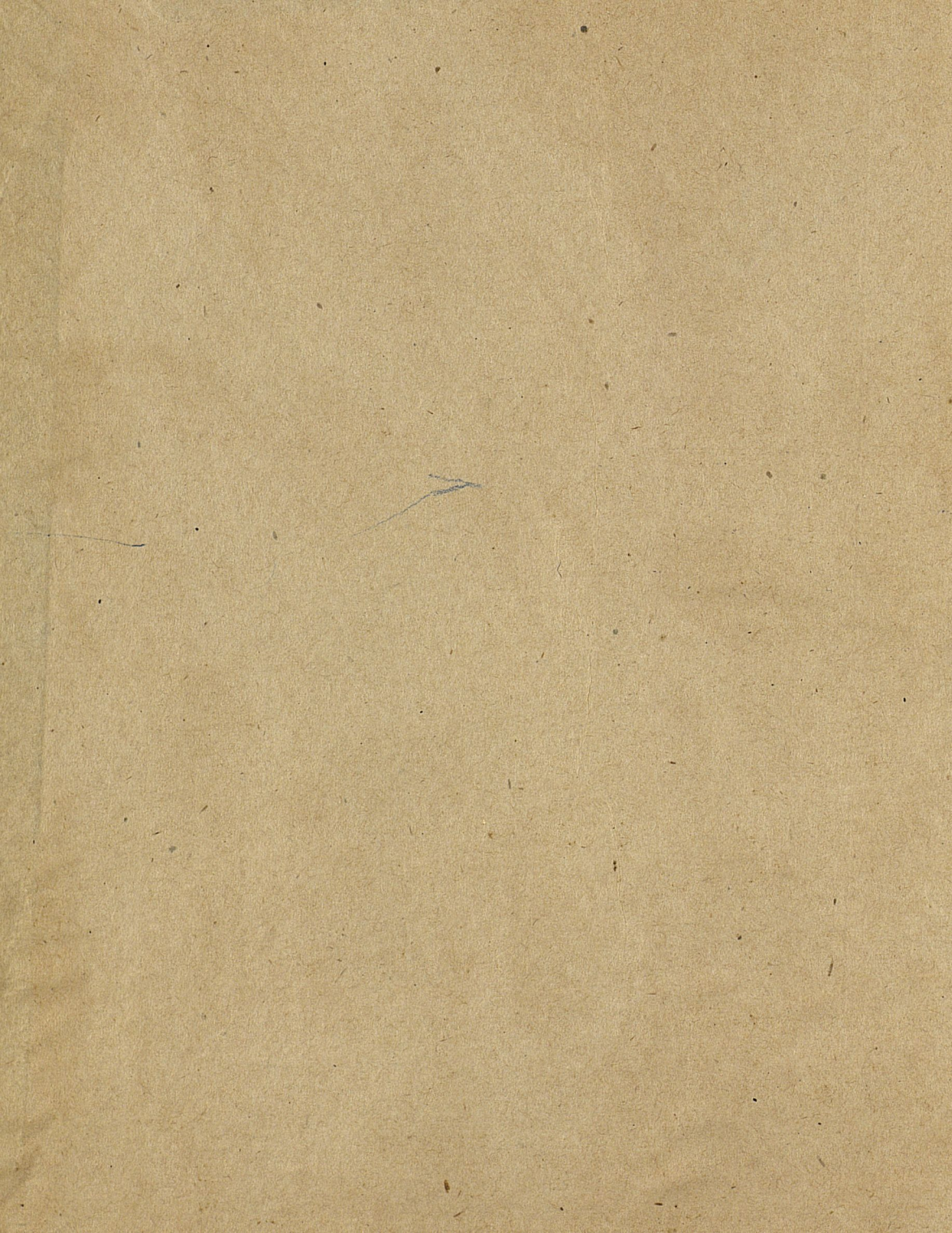

A $\frac{223}{551}$

21

1894

Дозволено цензурно. Москва. 15 Декабря 1894г.

А 223
551

ОБЩЕСТВО
РУССКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

(Часть первая).

Сцены въ 6^{ти} картинахъ.

(Переработка изъ поэмы М. В. Гоголя)

А. Поткина.

15486-0

2010513494

Литография Московской Императорской библиотеки С. О.
Разсказина. Москва, Тверская улица, Георгиевский переулок.
Д. Сумкина.

Двойстворящая лица:

авель Ивановна Чиликова.

Ивановна, богатый полтвникъ.

Ивановна, его жена.

Ивановна, 7^{ми} летъ

Ивановна, 6^{ми} летъ. } противъ иль.

Астасья Петровна Коробачка, полтвница.

Собакевичъ, полтвникъ.

Георгина Ивановна, его жена.

Можкинъ, полтвникъ.

Козоревъ, полтвникъ.

Михаилъ, зять Козорева.

Антанъ-исправникъ.

Лавра, плотница.

Франка, мальчикъ } Платкина.

Горюхири.

Лавушка } слуги Козорева.

Игра Манилова (безъ рогей).

Игра Собакевича.

Приказникъ Маниловыхъ.

Ветинья, служанка Коробачки (безъ рогей).

Паруха въ трактирѣ.

Картина 1^я.

Богатинная у Манилова.

Явление 1.

Манилова (сидит на диване), Маниловъ
и Шиковъ (оба въ дверяхъ).

Шиковъ. Спрячьте милость не безпокойтесь
такъ для меня, я пройду поспать.

Маниловъ. Ничуть, Павелъ Ивановичъ, ничуть, вы
гость.

Шиковъ. Не затрудняйтесь, пожалуйста, не
затрудняйтесь; пожалуйста проходите.

Маниловъ. Ничуть, ужъ извините, не допущу
пройти позади такому приятному образованному
гостю.

Шиковъ. Почему же образованному?.. пожалуйста
ста проходите.

Маниловъ. Ну, да ужъ извольте проходить
вы.

Шиковъ. Да отлего-же?

Маниловъ (съ приятной улыбкой). Ну, да ужъ
оттого! (указывая на жену). Позвольте мнѣ вамъ
представить жену мою. (къ жене). Душенька,
Павелъ Ивановичъ.

(Шиковъ подходит къ руке).

Манилова (несколько короче). Вы очень обрадо-
вали насъ своимъ привѣтомъ. Мы-же, не прохо-
дило дня, чтобы не вспомнили о васъ.

Маниловъ. Да, ужъ она, бывало, все спраши-

ваить меня: да что же твой приятель не идет? По-
годи, друженько, придет. А вот вы, наконец, и
удостоили нас своим посещением. Уж такое, пра-
во, доставили наслаждение — майский день, именины
сердца.

Ишиковъ (смуцаясь). Не иль я ни фромкого имени,
ни даже ронно золотного...

Маниловъ. Вы все ильете, все ильете, даже еще
болше.

Манилова. Какъ вамъ показались наши городъ?
Приятно-ли провели тамъ время?

Ишиковъ. Очень хороший городъ, прекрасный городъ,
и время провели очень приятно: общество самое обходи-
тельное.

Манилова. А какъ вы нашимъ нашего губернатора?

Маниловъ. Неправда-ли, что препотентный и
премудезный человекъ?

Ишиковъ. Совершенная правда: препотентный и
человекъ! И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ
понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ
людей.

Маниловъ. Какъ онъ можетъ этого, знаете, при-
нять вяжало, нолюсти деликатность въ своихъ по-
ступкахъ.

Ишиковъ. Очень обходительный и приятный че-
ловекъ! И какой ишукатникъ! А даже никакъ не
могу предполагать этого: какъ хорошо вышиваются
разные домашние узоры! Онъ илье показавъ своей

работы пошелеть: ртутная лампа может такъ искусственно вышнить.

Маммиловъ. А вице-убернаторъ, неправда-ли, какой милый человекъ.

Иликовъ. Очень, очень достойный человекъ.

Маммиловъ. Ну, позвольте, а какъ вамъ показомся полицеймейстеръ?.. Неправда-ли, что очень приятный человекъ?

Иликовъ. Превычайно приятный и такой умный, какой почтительный человекъ! Мы у него проиграли въ билетъ влѣтѣ съ прокуроромъ и предпринимателемъ поматы до самыхъ позорныхъ пттуховъ. Очень, очень достойный человекъ.

Маммилова. Ну, а какого вы мнения о женѣ полицеймейстера? Неправда-ли преловезная женщина?

Иликовъ. О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю. (Пауза паузы). Вы всегда въ деревнѣ проводите время?

Маммиловъ. Больше въ деревнѣ. Иногда, впрочемъ, привѣщаемъ въ городъ для того только, чтобы убедиться съ образованными людьми. Одигодемъ, знаете-ли, если все время будемъ сидѣть въ заперти.

Иликовъ. Правда, правда.

Маммиловъ. Конечно, орудие душо, если бы совѣдство было хорошее, если бы, напримеръ, такой человекъ, съ которымъ бы, въ какомъ-нибудь родѣ, можно было поговорить о молодежи, о хорошемъ

обращении, сказать кому-нибудь эту самую науку, чтобы расшлелись дружки, друзья бы, так сказать, по речке таксе... (двигает движение рукой). тогда, конечно, деревня и управление ими бы очень много приятностей. Мышительно вотт ников. Вотт только иногда почитаем "Сын Отечества"...

Ишиковъ. Совершенно согласен съ вами. Ничего не может быть приятнее, какъ жить въ деревне, наслаждаться зрелищемъ природы и почитать иногда кому-нибудь науки.

Маммловъ. Но знаете-ли? Все, если поэтт дружок, съ которымъ-бы можно погреться...

Ишиковъ. О, это справедливо, это совершенно справедливо! Это все сокровища тогда въ мирт? "Не ищи денег, ищи хорошихъ людей для обращения", сказалъ одинъ мудрецъ.

Маммловъ. И знаете, Павелъ Ивановичъ, тогда чувствуемъ какое-то, въ некоторомъ роде, духовное наслаждение... Вотт какъ, например, теперь, теперь, когда случай мнѣ дозволяетъ скатит, можно сказать образцовое, говорить съ вами и наслаждаться приятнымъ вашимъ разговоромъ.

Ишиковъ. Помышите, это-жъ за приятный разговоръ. Ничтожный человекъ и больше ничего...

Маммловъ. О, Павелъ Ивановичъ, позволите мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію от-

дам половину всего моего состояния, чтобы иметь
вашу книгу достоинству, которую я ценю выше!

Шликовъ. Напротивъ, я бы началъ съ своей сто-
роны, за величайшее...

Маниловъ. Позвольте мнѣ вамъ поощривать
трудолюбие.

Шликовъ. Пусть, не трудно.

Маниловъ. Отчего?

Шликовъ. Не сорвался привычки, боюсь; говоря:
трудолюбие.

Маниловъ. Позвольте мнѣ вамъ заметить,
что это предубежденіе. Я помню даже, что курица
трудолюбива гораздо здоровѣе, чѣмъ лошади табакъ. —
Въ нашемъ полку была поручикъ, прекраснѣйшій
и образованнѣйшій человекъ, который не высу-
комъ изорота трудолюбия не только золотомъ, но
даже, съ позволенія сказать, во всякъ промахъ мы-
та. И вотъ ему теперь уже сорокъ съ симицми
лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ, такъ здо-
ровъ, какъ нельзя лучше.

Шликовъ. Это точно случается, и въ натурѣ
наблюдается много вещей, неизъяснимыхъ даже для
обширнаго ума. Но, позвольте прежде одну прось-
бу... (Оглядывается назадъ. Маниловъ также
оглядывается. Манилова уходитъ).

Шликовъ. Какъ давно вы изволили подарить
ревисскую сказку?

Маниловъ. Да ужъ давно, а лучше сказать —

не припомню.

Иликовъ. Какъ, съ того времени, у васъ много умерло крестьянъ?

Маниловъ. А не могу знать; объ этомъ я полого никуда спрашивать приказника. Эй, человекъ! (Входитъ слуга). Позови приказника, онъ долженъ быть слуга твой.

(Приказникъ входитъ).

Явление 2.

Тѣ-же и приказникъ.

Маниловъ. Полагаю, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ твоей поръ, какъ подавали ревизию?

Приказникъ. Да какъ сколько? Многие умирали съ твоей поръ. (Икаетъ, заслонивъ ротъ рукавою).

Маниловъ. Да, признаюсь, я самъ такъ думаю - именно очень многие умирали! (Обращаясь къ Иликову). Много, очень многие.

Иликовъ. А какъ, поприкипу, число?

Маниловъ. Да, сколько число?

Приказникъ. Да какъ сказать - число? Въѣдь, неизвестно сколько умираю: ихъ никто не считалъ.

Маниловъ. Да именно, я тоже предполагаю: большая смертность; совсѣмъ неизвестно, сколько умерло.

Иликовъ (приказнику). Ты пожалуйста ихъ не-

решити и сорьдой поуродный феестрикь вьсьх по-
именно

Мамилловъ. Да, вьсьх поименно.

Прикоснитъ Скумано. (Уходитъ).

Явление 3.

Мамилловъ и Шимковъ.

Мамилловъ. А для какихъ причинъ вамъ это нуж-
но?

Шимковъ. Вы спрашиваете, для какихъ причинъ?
Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить кре-
стьянъ...

Мамилловъ. Но позвольте спросить васъ, какъ
желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или про-
сто на вывооръ, то есть безъ земли?

Шимковъ. Ну, я не то, чтобы совершенно кре-
стьянъ... я желалъ имѣть мертвыхъ...

Мамилловъ. Какъ-съ?.. Извините... я нѣсколько
туго носъ уха, мнѣ послышалось престранное слово...

Шимковъ. Я полагаю приобрести мертвыхъ, ко-
торые, впрочемъ, значились-бы по ревизіи какъ жи-
вые.

Мамилловъ (роняетъ трубку, остается въ недоу-
мѣнн, потомъ поднимаетъ трубку и взгляды -
валяетъ съ низу въ лицо Шимкова. Молчаніе).

Шимковъ. И такъ, я бы желалъ знать, можете-
ли вы мнѣ таковыхъ, неживыхъ въ действитель-
ности, но живыхъ относительно законной формы,
передать, уступитъ, или какъ вамъ заблаго-

роиздаться лучше?

Маммиловъ. (въ смущении молча смотритъ на Шикова).

Шиковъ. Мною кажется вы затрудняетесь?..

Маммиловъ. А?.. Ну что, я не то... но я не могу писать, извините... Я, конечно, не могу получить такого образования, какое то вы скажете, видно во всякомъ вашемъ офисе или; не что высоко искусство выработать... Можетъ быть, здесь... въ этомъ вамъ сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть вы изволли выразиться такъ для красоты слога?

Шиковъ. Ну что, можетъ, я разумно предметъ такое, какъ есть, то есть такъ души, которые точно уже умерли.

Маммиловъ (курить въ смущении).

Шиковъ. И такъ, если вы такъ пренебрежливъ, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенно курей крѣпости.

Маммиловъ. Какъ? на мертвые души курить?

Шиковъ. А, можетъ! Мы считаемъ, что они живы, такъ, какъ стоитъ действительно въ ревизской сказке. Я привыкъ ни во чемъ не отступать отъ царскихъ законовъ; хотя за это я потерялъ на службу; но ужъ извините: обязанность для меня это священное, законъ, — я только предъ закономъ. Можетъ быть вы ищите какихънибудь сомнѣній?

Моммеловъ. О, пожалуйста, никуда. Я не на счет того шорто, толь иль какое нибудь, то есть, критическое предосудждение о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ-ли это предприятие или, чтобъ еще больше, такъ сказать, вырваться, нелюция-толь не будетъ-ли эта нелюция несоответствующею францискскимъ постановленьямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи.

Шмиковъ. Подобное предприятие, или нелюция, никакъ не будетъ не соответствующею францискскимъ постановленьямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, и казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

Моммеловъ. Такъ вы полагаете?

Шмиковъ. Я полагаю, что это будетъ хорошо.

Моммеловъ. А если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего.

Шмиковъ. Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

Моммеловъ. Какъ въ цѣнѣ?.. Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за оружія, которыя въ нынѣшнемъ роуѣ окончили свое существованіе?.. Если ужъ вамъ пришло такое, такъ сказать, францискское желаніе, то съ своей стороны, я передаю ихъ вамъ безынтересно и куплю безъ насъ.

Шмиковъ (съ вытрянью, радостнымъ движеніемъ) Благодарю васъ, благодарю отъ всего моего

сердца! (Кватоитъ его руку, трясеть ее и прижимаетъ къ сердцу).

Маниловъ. Это вы... это сущее ничего... Я точно хотѣлъ-бы доказать вамъ нибудь сердечное движение, манетизма души; а умершая душа, въ томъ-которомъ родъ, совершенная душа.

Шилковъ (свидѣтель, потирая руку Манилова). Очень не душа. Если бы вы знали, какую услугу оказали ей, повидалиму, душу и слову безъ племени и роду! Да и действительно, чего не потерпѣлъ я? Какой барка покоя нибудь среди свирѣпыхъ вѣтровъ. Какимъ тонкимъ, какимъ преледованіемъ не испы-талъ, какого горя не вкушалъ, а за то, - за то, что свидѣтель правду, что былъ и мѣть на своей совѣсти, то подаль руку и вдовитъ беспомощной и сиротѣ-горемыкѣ. (Оттираетъ слезы. Они долго смотрятъ другъ другу въ глаза, потирая руки).

Шилковъ (свободная своя руку и беретъ шляпу). Не жудь-бы куплю совершить поскорѣе, и хорошо если бы вы сами понавѣдали въ городъ.

Маниловъ. Какъ? Вы уже хотите ѣхать?

Авденте 4.

Тѣ-же и Манилова съ двумя сыновьями.

Шилковъ. Какія миленькія души! А который годъ?

Маниловъ. Старшему середной, а меньшому вѣро-полмилу шесть. Семистолкося! скажи мнѣ: какой мѣстѣй городъ во Франціи?

Олемистоклоось. Парижъ.

Маммиловъ. А у насъ какой лучшей городъ?

Олемистоклоось. Петербургъ.

Маммиловъ. А еще какой?

Олемистоклоось. Москва.

Ишниковъ. Умница, душенька. Скажите, однако-ть... Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ бургутъ большія способности.

Маммиловъ. О, вы еще не знаете его! У него чрезвычайно много остроумія. Вотъ, маленькой, Акидоръ, тотъ не только быстръ, а и токъ сейчасъ, если что нибудь верь-титъ, буркнуту, козявку, такъ у него бургутъ глазенки и задъ голотъ. Подъумитъ за ней сидромъ и токъосъ одротитъ внимание. Я его проку подитомъ маммиловской портъ. Олемистоклоось, хотеть быть посланникомъ?

Олемистоклоось. Золу. (Ложкой вытираетъ ему носъ).

Маммиловъ (жалостно). Акидоръ, Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ.

Маммилова. Потому что мы надотили Павлу Ива-новичу...

Ишниковъ. Сударыня!.. зорьсь... зорьсь, вотъ зоръ (попоса-туру по сердце), да, зорьсь превудеть прижитность вре-мени проведеннаго съ вами, и повѣрьте, не было бы для меня большого блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ фронтъ то, потропный мортъ, въ самомъ вилитайшемъ соотворствѣ.

Маммилова. А знаете, Павелъ Ивановичъ, какъ было-

вы вь самомь дьель хорошо, если вы жить такъ вь-
стать, подь одного кровлею или подь тьмьмь какого ни-
будь вяза, поумолокитововать о чель нибудь, уялудить-
ся...

Иликовъ. О, это бьмьла вы райская жизнь! Прощайте,
сударыня! (Улыцеть тьпу Момилловой). Прощайте, поч-
тенныймь другъ! Не позабудьте просьбы.

Мамилловъ. О, будьте увьрены. Я съ вами разстанься
не далъе, какъ на два дня.

Иликовъ. Прощайте, миленькия малютки! [Про-
щайте, миленькия малютки]. Прощайте, мои краш-
ки! Вы извините меня, что не привезъ вамъ гостин-
ца, потому что, призналось, не зналъ даже, живете-ли
вы на свьтть; но теперь какъ приьду, непременно
привезу. (Омилтотоклосъ). Тебь привезу сабьло. Кочель
сабьло?

Оемистоклосъ. Коу.

Иликовъ (Акиду). А тебь барабань. Неправда-ли,
тебь барабань?

Акиду (Смуценьмо). Паранань...

Иликовъ. Хорошо, я тебь привезу барабань-такой
славный барабань! Такъ все бурель тьурьру.. тра-
та-та-та-та... Францъ думетка, прощай! (Улыцеть
ею въ голову и обрацеться съ улыбкой кь родительямь).

Мамилловъ. Право отамьтесь, Павелъ Ивановичъ. По-
смотрите, какие тьми!

Иликовъ. Это маленькия тьми. Прощайте, поч-
тенныймь другъ! Прощайте, сударыня! (Уодитъ).

Весь его провожатомь).

Занавесь.

Кюветта 2^я

Сцена представляет очень небогатую комнату, оклеенную стиральными обоями. Настенымь много разных картинок, портретов какого-то господина с красными обмалочами на мундире. Зеркало, часы. Мебель очень простая. Устоны, по средине, стоит дивань, передь которымь круглой столик, покрытый самореткой. На право отъ актера, у окна, раскрытый лонберновый столик, стулья, кресла и проч. При поднятии занавеса Коробочка сидитъ у крайнего стола.

Авденте 1^я.

Шинкова (вводитъ).

Коробочка (при входе Шинкова встаетъ). Здравствуйте, батюшка. Какъ поживаете?

Шинкова. Хорошо, хорошо. А вы какъ, матушка?

Коробочка (садится къ столу). Плохо, отецъ мой, плохо!

Шинкова. Какъ такъ?

Коробочка (разливая чай). Бессонница. Все поминаю болить и чого, что повили постояли, такъ вотъ и споминать.

Шинкова (принимая стаканъ) Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего жаловаться.

Коробочка. Дай Бог, тогда прошло. Я-то слышала
сидимая сама и сидимая тоже слышала. А с
тем же прилежанием чайку? В ореховых ореховых.

Милков. Не орех, матушка, слышала и орехо-
вой. (Взявши чайку чая и взявши тудора ореховой) У вас,
матушка, хорошая деревенка. Сколько в ней души?

Коробочка. Душа-то в ней, отец мой, бери малого
восемьдесят. Да ведь, времена плохи: вот и прошлый
год был такой неурожай, то Боже храни!

Милков. Орехов-то орехови навиде гротие, из-
бенки протия. А позволите узнать ореховито ва-
шу? А так же разговаривая... пришла в такое вре-
мя.

Коробочка Коробочка, коллежская Секретарша.

Милков. Покартими благодарно. А имя и от-
чество?

Коробочка. Настасья Петровна.

Милков. Настасья Петровна? Хорошее имя. На-
стасья Петровна. У меня тетя, родная сестра мо-
ей матери, Настасья Петровна.

Коробочка. А ваше имя как? Ведь вы, чай, за-
судатель?

Милков (улынувшись) Нет, матушка, чай
не засудатель, а так же говорю по своим орехи-
кам.

Коробочка. А, так вы покупаете! Как же
там, право, что я продала медь купцам так же де-
шево! А вот, ты бы, отец мой, у меня в орехо

его куртмль.

Шимковъ. А вотъ меоду и не куртмль бы

Коробочка. Это-то другое? Развъ пеньку? Да вотъ и пеньки у меня теперь маловатно-полнуда всего.

Шимковъ. Протъ, матушка, другого рода то-варецо: скажите, у васъ умирали крестьяне?

Коробочка (вздыхая). Охъ, батюшка, осьмнадцать годовъ! И умеръ такой все славный народъ, все работники. После того, правда, народились, да то въ нихъ? Все такая мелюзга! А загодателъ похорожалъ - похотъ, говоритъ, улаживать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На про-млой, нехотъ спортъ у меня кузнечъ и слсарное мастертво зналъ.

Шимковъ. Развъ у васъ былъ пожаръ?

Коробочка. Богъ прибереть отъ такой беды; по-жаръ бы еще хуже: самъ спортъ, отецъ мой. Внут-ри у него котъ - то загорелось, черель куръ вытмль; только снй огонекъ пошелъ отъ него, весь истп-мль и похертмль, какъ уголь. А какой былъ пре-штуптвой кузнечъ! И теперь мнъ выхотать не нахотъ: не кому лошадей похрывать.

Шимковъ (вздыхнувши). Но все воля Божья, матушка, противъ мудрости Божией, ничего нельзя сказать... Устуните-ка ихъ мнъ, Наста-сва Петровна.

Коробочка. Кого, батюшка?

Шимковъ. А вотъ этихъ-то вотехъ, что умерли.

Коробочка. Да какъ-же уступитъ-то ихъ?

Шимковъ. Да такъ, просто. Или, пожалуй, продайте. Я воюю за нихъ дамы деньги.

Коробочка. Да какъ-же, я, право, въ толкъ невозьму? Нешто хотимъ ты откупывать ихъ изъ земли?

Шимковъ. Да нѣтъ, маюрика, это покупка будетъ значиться только на бумажѣ и души будутъ только прощаны, какъ бы живыя.

Коробочка. (въ недоумѣніи). Да на что-жь онъ меръ?

Шимковъ. Это уиъ мое дѣло.

Коробочка. Да вѣдь онъ-жь мертвыя.

Шимковъ. Да кто-же говоритъ, что онъ живыя. Потому-то и въ убытокъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я воюю избавлю отъ хлопотъ и платета. Понимаете? Да не только избавлю, а еще сверхъ того дамы вамъ пятнацать рублей. Ну, теперь, ясно?

Коробочка. Право, не знаю. Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

Шимковъ. Еще вы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть, въ самомъ дѣлѣ, какой нибудь прокъ?

Коробочка. (очень нервнымъ образомъ). Нѣтъ, этого-жо я не думала... Что-же въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онъ уже мертвыя.

Шликовъ (въ сторону). Ну, баба, кажется, крепко-
слобая. (Ѹ?) послушайте, матушка, да вы рассудите
только хороменько: вѣдь вы разоряетесь, платите за
него подати, какъ за живого?

Коробочка. Охъ, отецъ мой, и не говори обь этомъ!
Ѹще третью неурьяло внесла больше полутора ста да
заслужателя поормасмля.

Шликовъ. Ну, видите, матушка! А теперь при-
мите въ соображеніе только то, что заслужателя
вамъ подмасливать больше не нужно, потому
что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я припи-
лаю на себя всю повинность; я сверну даже
крепость на свои дѣла, — понимаете-ли вы это?
Такъ, что-же, матушка, по ружалъ, что-ли?

Коробочка (въ раздумьи). Право, отецъ мой, ни-
когда еще не случилось продолжать мнѣ покойни-
ковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третью
года Протопопову — дуэль дрѣво, поступрубей
какую; и очень благодарилъ; такія были сла-
выя работницы: сами саморетки ткнуть.

Шликовъ. Ну, да не о живыхъ дрѣло, богъ съ
нами! Я спрашиваю о мертвыхъ.

Коробочка. Право, я боюсь, на первомъ-то по-
ражъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Мо-
жетъ быть, отецъ мой, ты меня обманываешь, а
они того... они больше какъ нибудь стоятъ.

Шликовъ. послушайте, матушка... Дѣ, какія
вы! что-же они могутъ стоить? Разсмотрите:

Видь это прохль. Понимаете-ли? Это просто трафь. Вы возьмите всякую мелодную, посплодную вещь, по-примерь, даже простую тряпку, - и тряпку есузцна: ее хоть, покрайней мере, купят по бумажную орабрку, а видь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что это нужно?

Коробочка. Уиль это точно прохль. Уиль советам ни на что не нужно; да видь меня одно только и оставалывивает, то инь мертвяя.

Шикова (про себя). Эх ее, дубинноголовая-какая! пофити, сладь сь чего! Въ потль бросила, прохля-тая старуха. (Оттирая потль на лбу, хль ней). Вы, матушка, или не хотите понимать словь моихь, или такь нарочно говорите, а или вы что нибудь говорите. Вторь я вамь дано денеги: пятнадцать рублей асснациями, понимаете-ли? Видь это денеги. Вы ихь не същите на улице. Ну, признайтесь, почему продали медь?

Коробочка. По двьнацати рублей тудь.

Шикова. Двотили неможко зрвха на друиу, матушка. По двьнацати не продавали.

Коробочка. Ей-ей продала.

Шикова. Ну, видите-ли? Такь за то это медь. Вы собирали его, можеть быть, около года сь заботами, со стараниемь; хлопотами, вздрили, морозили тель, кормили ихь въ погредь ирелую землю, а мертвяя друиу-ошло не оть мира сего. Тутль вы, сь своей стороны, никакого не прилагали сто-

рания: на то была воля Божия, чтобы они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труды, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете, ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, и не серебром, а все теми же ассигнациями.

Коробошка. Право, мое такое неопытное водовое дело! лучше-то я маленько повременю, аwohl понапорую купцы, да прищиплюсь же что-нибудь.

Иликовъ. Срамъ, срамъ, матушка! Просто, срамъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Ну что-нибудь стоить покурить? Ну, какое употребление оно может изъ нихъ сделать?

Коробошка. А можетъ въ хозяйство-то какаго-нибудь, покуда слугай, понадобится... (Самая испугалась своихъ словъ, закрыла ротъ, со страхомъ смотритъ на Иликова).

Иликовъ. Мертвые въ хозяйство! Живыхъ хватили! Воробьево развѣ курать, по ногамъ, въ вашемъ породе, что-ли?

Коробошка. Какія ты страсти говоришь!

Иликовъ. Куда-же еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрямь, вѣдь, когти и ногти все вамъ остается: переводить только на бумагу. Ну, такъ что-же? Какъ-же? Отвѣчайте, по крайнѣй мѣрѣ! (Коробошка задумалась). О чемъ-же вы думаете, Настасья Петровна?

Коробошка. Право, я все не приберу, какъ это быть.

Я лучше вамъ пеньку продалъ.

Ишниковъ. Да что-тъ пенька? Пошлите, я васъ прошу совѣтъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете. Пенька пенькой, въ другой разъ приведу, заведу и пеньку. Какъ какъ-те, Наталья Петровна?

Коробожка. Товаръ такой странный совѣтъ не бывалый!

Ишниковъ. (разердился, встаетъ, сильно ударивши стуломъ). Кортобы вамъ...

Коробожка. (исторженно). Охъ, не притомливай его. Богъ съ нимъ! Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снится, окаянный. — Взорумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да видно въ наказанье — то Богъ и послалъ его. Такой гонимый привидѣлся, а рога — то дельничье бычачье.

Ишниковъ. А дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человека — колдобя хотѣлъ. Визну: бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... да пропади и окопъ со всей вашей деревней!

Коробожка. Ахъ, какія тѣ забранки принимаешь!

Ишниковъ. Да не найдемъ словъ съ вами! Право, словно какая нибудь не говоря дурного слова, дворняшка, то лежитъ на стнѣ: и само не вѣтъ, и дружить не даетъ. А хотѣлъ было у васъ закупать хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные поуряды тоже веду...

Коробочка (очень обрюдьеванная). Да чего-жь ты рев-сердился такъ горюго? Знай я претде, что ты такой сердитый; да я бы совсѣмъ тебѣ и не претесловила.

Иликовъ. Есть изъ чего сердиться! Да, о янца вотъ денного не стоитъ, а я стану изъ за него сердиться.

Коробочка. Ну, да изволь! Я готово отдать за пятнадцать ассимаций. Только смотри, отецъ мой, на счетъ побряковъ-то; если случится мужи братъ ржаной, или яровой, или крупы, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

Иликовъ (утирая потъ). Ничтъ, матушка, не обижу. А теперь вотъ въ чемъ дѣло: ничтъ-ли у васъ въ городѣ какого нибудь повстрѣтного, или знакомаго, котораго-бы вы могли уполномочить на совершение крѣпости и всего, что случится.

Коробочка. Какъ-же!.. Протопопа, отца Кирило сынъ, сунуть въ полати.

Иликовъ. Такъ мы, матушка, вотъ какъ сдѣлаемъ: вы ему потимите - по добъренное тильмо... Да, впроемъ, ничтъ! А лучше самъ сейчасъ потиму; чтобы избавить васъ отъ лишнихъ затруднений, а вы послѣ только потимите. (Идетъ къ столу, по праву руку стоитъ его шкатулка, оттирается, достаетъ бумагу и садится писать).

Коробочка (просебя). Хорошо бы было, если бы отъ зади-рала у меня въ казну мужи и скотину. Ну, что его зодоб-рить; тѣста со вѣраминяго вѣтера еще оталось, какъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобы испекла блиновъ.

Хорошо-бы также зашить широк прорезной свайтромь.
У меня его словно забывают, да и время беретъ немало
(Уходитъ).

Авление 2.

Шинковъ. Жъ, ушорила коткъ проклятая ста-
пуха. (Оттираю ширю и шю, ошнываетъ перо и пишеть).

Авление 3.

Коробочка (входитъ и садитя къ столу гдъ пи-
шетъ Шинковъ, разсматривая шкатулку). Хорошо у
тебя ширю, отецъ мой. Гай въ Москву купилъ
его?

Шинковъ (продолжая писать). Въ Москву.

Коробочка (продолжая разсматривать). Я утъ
знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго
года, сестра моя привезла оттуда теплые са-
пожки для орътей; такой прочной товаръ до сихъ
поръ носить. (Золотывая въ шкатулку). Ахъ, ско-
моко у тебя тамъ гербовой бумагой! Хотъ вы мнѣ
листокъ подарилъ. А у меня такой недоста-
токъ: слухитя въ судъ просьбу подать, а и не
на чемъ.

Шинковъ (кончая писать). Чтотъ, матушка,
бгдъ это не такая бумага, - на ней нельзя писать
просьбы; она только для крепостей. Ну, да покажи,
извольте, мнѣ не жаль, я вамъ дамъ листокъ.
(Подаетъ ей листъ).

Коробочка (береть обгилми руками и складываетъ
осторожно). Ну, вотъ спасибо, голубчикъ! Дайи Богъ

тебѣ здоровья!

Шиковъ (вставая). Не стоить, матушка, не стоить. А вотъ извольте-ка перышко, да подпшите это письмо. Писать: званіе, имя, отчество и фамилію.

Коробочка (беретъ перо и садится). Хорошо, батюшка, хорошо! (писать).

(Служанки вносятъ и ставятъ на столъ закуски).

Коробочка. Прошу покорно закусить. (Идутъ къ столу). Присный пирогъ съ яйцами.

Шиковъ (естъ пирогъ).

Коробочка. А блинны?

Шиковъ. У васъ, матушка, блинны очень вкусны. (Опять есть).

Коробочка. Да, у меня-то ихъ хорошо пекутъ; да вотъ бѣда: урожай плохъ, муча ужь такая не авантажная... Прискожете?

Шиковъ (естъ еще блины. Затѣмъ встаетъ и благодаритъ Коробочку).

Коробочка. Да что-же, батюшка, вы такъ спешите? Тюръ и бричка еще не заложены.

Шиковъ. Заложить, матушка, заложить. У меня скоро закладываютъ.

Коробочка. Такъ ужь, пожалуйста, не забудьте на счетъ поурядовъ...

Шиковъ (хочетъ идти). Не забуду, не забуду..

Коробочка (удерживая его). А свиняго сала не покупаете?

Ишиковъ. Почему-же не покупать? Покупано, только пашь.

Коробочка. У меня о святкахъ и свиное сало будеть.

Ишиковъ (желая отъдальнуться). Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ.

Коробочка (удерживая). Можетъ быть понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Оршикову посту будутъ и птичьихъ перья.

Ишиковъ (хочетъ идти и останавливается). Хорошо, хорошо... Расскажете только мнѣ, какъ добраться до большой дороги?

Коробочка. Какъ-же бы это сдѣлать? рассказать-то мудро, - повороховъ много. Развѣ я тебѣ дамъ орвентку, чтобы проводила? Вѣдь, у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, ишь-бы приехать.

Ишиковъ. Какъ не быть.

Коробочка. Пожалуй, я тебѣ дамъ орвентку, она у меня знаетъ дорогу. Только ты смотри, не забери ее. У меня уже одну завезли кутцы.

Ишиковъ. Не завезу, матушка, не завезу... Прощайте, матушка... (Уходитъ)

Замалеться.

Картина 3^я

Лестничная. Мягкая мебель. На стеновых картинах.
Но право бюро и проч. Вся мебель очень грубой работы. При
поднятии занавесей сцена пуста. Потом Собакевич
входит первым, предлагая войти Илникову, который
стоит в дверях. На столе блюдо с вареньем.

Явление 1.

Собакевич и Илников, потом Софусия
Ивановна.

Собакевич. Прощу. (Идет на авансцену, поско-
зывая на кресло). Прощу.

(Оба садятся и молчат. Дверь с правой сторо-
ны открывается и входит Софусия Ивановна,
в цепце с лентами; одета без всякого вкуса.
Собакевич рекомендует. Илников подходит
к ружью).

Собакевич. Это моя Софусия Ивановна!

Илников (Собакевичу). А мы обь вас вспоминали
у председателя палаты, у Ивана Триорьева, в
прошлый четверг. Очень приятно провели там
время.

Собакевич. Да... я не был тогда у председа-
теля.

Илников. А прекрасный человек.

Собакевич. Кто такой?

Илников. Председатель.

Собакевич. Ну, может быть это вам так по-
казалось. Он только что молсон, а такой дурак,

какого свѣтъ не производимъ.

Шниковъ (загадочно и не знаетъ что сказать). Конечно, всякій человекъ не безъ слабостей. Но за то губернаторъ какой превосходный человекъ.

Собакевичъ. Губернаторъ превосходный человекъ? первый разбойникъ въ міръ.

Шниковъ. Какъ, губернаторъ разбойникъ! Признаюсь, этого вы я никакъ не подумалъ. Но, позволите-ль однако замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорее даже мягкости въ немъ много.

Собакевичъ. И лицо разбойническое! Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, зарѣжетъ, за коняжку зарѣжетъ. Онъ да еще вице губернаторъ — это Того и Малого.

Шниковъ. Нѣтъ, онъ съ нами не въ союзѣ. А вотъ заговорю я съ нимъ о полицеймейстерѣ! Онъ, кажется, друженъ его. (Вслухъ). Втроемъ, это до меня, мнѣ, признаюсь, больше всего нравится полицеймейстеръ. Какой-то такой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно, что-то простосердечное.

Собакевичъ. Мошенникъ! продалъ, обманетъ, еще и подбодраетъ съ вами! Я ихъ знаю всего, это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенника сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. — Въсь Христоводелцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человекъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья. (Меня) Ми, моя душа, сегодня были очень хороши... (Обращаясь къ Шникову). Этокой

няни*) какъ была у меня за обѣдомъ, вы не будете въ городъ: тамъ вамъ горить знаетъ, что по-
дадутъ.

Шиковъ. У губернатора, орнако-жь, не ду-
ренъ столъ.

Собожевичъ (насмѣливо). Да знаете-ли изъ чего
все это готовится? Вы вѣдь не стонете, когда
узнаете.

Шиковъ. Я не знаю, какъ приготавливается,
объ этомъ я не могу судить; но свинья котлеты
и жареная рыба были превосходны.

Собожевичъ. Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я
знаю, что отъ на рынкахъ покупаютъ. Куритъ, вонъ
тотъ каналья поварь, то вынулъ у француза,
кота, обдеретъ его да и подаетъ за столъ вѣдь-
сто зайцовъ.

Георги́я Иванъ. Офи! какую ты неприятность
своишь.

Собожевичъ. А что-жь, душенька! такъ у
нихъ орляется; я не виноватъ, такъ у нихъ у
всѣхъ орляется. Все что ни есть ненужнаго, то
Акушка у насъ бросаетъ, съ позволенія скажутъ,
въ помойную локань, они его въ супъ, да въ супъ!
туда-же!

Георги́я Иванъ. Ты вѣгда этокое рассказываешь...

*) Гарантій желудокъ, начиненный щепковой кашей,
мозгами и почками.

Собакевичъ. Это-ль, друша моя? Если-бы я сама это отъядла... Но я тебя прямо въ глаза спою, то я задростей не стану ксть. Мнѣ аяушкы хоть сахаромъ облить, я ее въ ротъ не возьму и уттрицу тоже не возьму: я знаю по что уттрица похота. Это все выдумали доктора немцы да французы; я бы ихъ всѣхъ перевѣшала за это! Выдумали физту-деить голодомъ! Это у нихъ немцкая, жидростная натура, токъ они вообразаютъ, то и съ русскимъ желушкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все толкуютъ - просвѣщение. А это просвѣщение - оукъ! Сказалъ-бы и другое слово, да вотъ только то неприлично. У меня не такъ! У меня когда свинина, - всю свинью давай на столъ; баранина - всю баранину тащи; усь - всю усья! Луше я съемъ дѣухъ блодоръ, да съемъ въ мѣру, какъ дѣла тредуетъ. Нѣтъ, у меня не такъ, какъ у какого нибудь Платошкина: восемъ сотъ оурихъ и мѣтъ, он мѣтъ и оурадетъ хуше моего пастуха.

Митковъ. А кто такой этотъ Платошкинъ?

Собакевичъ. Машенникъ! Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ торговлю колодника живуть луше, тѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

Митковъ. Впрямду? У него тогмо люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

Собакевичъ. Какъ лухи оурутъ.

Шликовъ. Неужели, какъ мухи.. А позвольте спросить, какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

Собакевичъ. Въ пяти верстахъ.

Шликовъ. Въ пяти верстахъ! Но если вы хоть изъ вашихъ воротъ, это будетъ на право, или на лево?

Собакевичъ. А вамъ даже не совершенно дорогу знать къ этой собаке. Извинительное сходитъ въ какое-нибудь неприятное мѣсто, иль къ нему.

Шликовъ. Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ мѣ... а потому только, что интересно познать всякого рода мѣста. (Послѣ недолгой молчанія). А хотѣлъ бы поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

Авлентіе 2.

Геодулія Ивановна (входитъ съ вареньемъ).

Геодулія Иван. Вотъ еще варенье: рѣдька вареная въ меду.

Собакевичъ. А вотъ мы его поимъ. Ты ступай теперь въ свою комнату, а мы съ Павломъ Ивановичемъ снимемъ орехи и маленько приотроемся.

(Геодулія Ивановна уходитъ).

Авлентіе 3.

Шликовъ и Собакевичъ.

Шликовъ (не зная, какъ начать). Знаете-ли, мой безный, Михаилъ Семеновичъ! А дражненько сказать... т. е... вообще, что русское государство, по своей громадной величинѣ, по своему, такъ сказать, недю-

Ятному пространству, которому никогда и никогда не было равного, даже сама древняя римская монархия не была так велика и обширна... И иностранцы совершенно справедливо удивляются... И вот, по существу, по положению этого государства, в славу которому тот равного, ревизия души, окончившая жизненное поприще, илется однако-же, до подачи новой ревизии сказки, наравне с живыми, хотя взыскать того и вновь прожившего не вносятся в погребные списки, тобы таким образом не обременить присутственные места множеством мелких и бесполезных справок и не увеличить сложности и без того уже сложного государственного механизма... и однако-же, при всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тяжела для многих владельцев, обязывая их вносить подати за несуществующая души так, как бы за живой предмет. Чувствуя же вам уважение сильное, Михайло Семенович, я с своей стороны пожелал бы себя совершенно счастливым, если бы вы были так добры и позволили доказать по душе мое сильное уважение к вам, тобы вы даже отчасти приняли на себя эту, действительно тяжелую обязанность. (Собачевич остается в том-же положении. Поэт небольшого таланта, Шиков с волеванием). И так?!

Собачевич (совершенно спокойно). Вам нужно мертвых души?

Шиков. Да, несуществующих.

Собакевичъ. Найдутся; почему не быть?

Шимковъ. А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣ-
нiя... будетъ приятно отъ нихъ избавиться.

Собакевичъ. Извольте, я, пожалуй, готовъ продать.

Шимковъ (задавленный). Экой тортикъ, — я еще ни-
чего не предлагалъ, — а онъ уже продаетъ! (Собакевичу).
Да... а попрыгунъ, какъ-же цѣна? Хотятъ, впрочемъ,
это такой предметъ, что о цѣнѣ даже странно.

Собакевичъ. Да чтобы не запрашивать съ васъ
миллиона, по сту рублей заплатите.

Шимковъ. По сту?

Собакевичъ. Что-ль, развѣ это для васъ дорого?
А какая-бы, однако, ваша цѣна?

Шимковъ. Моя цѣна! Мы вѣрно, какъ-нибудь
ошиблись, или не понимали офруа офруа, позабыли
въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей сто-
роны, полагаю руку на сердце, по восьми гривенъ за
офруу; это самая красная цѣна.

Собакевичъ. Экъ, куда хватили! По восьми гри-
вень!

Шимковъ. Что-ль? По моему сужденiю, какъ я
офруаю, больше нельзя.

Собакевичъ. Да вѣдь я продать не латти.

Шимковъ. Однако-ль, согласитесь сами, вѣдь это
тоже и не люди.

Собакевичъ. Можъ вы офруаете, съмцете такого
офруажа, который бы продавалъ вамъ по двугривен-
ному ревиэекую офруу?

Иликовъ. Попрошайте: зачемъ вы ихъ называете ревизионными?
Второй друин — то самая давняя уже умерли, остался одинъ,
несвязанный чувствами, звать. Впрочемъ, чтобъ не вхо-
дить въ орамоуемые разговоры, по этой части, полто-
по рубля извольте, дамы, но больше не могу.

Собакевичъ. Стыдно вамъ и говорить такую сумбу,
Вы торгуетесь, говорите настоящую цену.

Иликовъ. Не могу, Михаилъ Семеновичъ, повторите
моей совести, не могу: дело у насъ невозможно скрыть,
это невозможно скрыть. Такъ и быть, еще по полтинку прибавлю.

Собакевичъ. Да чего вы скрываетесь? право, не дорого!
Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ
органъ, а не друин; а у меня, то ядреный органъ, вотъ
на отборъ: не мастеровой, только иной какой-нибудь
здоровый мужикъ. Вы рассмотрите: вотъ напри-
меръ, каретникъ Михайловъ! Бывъ большие никакие
жители; не друинъ какъ только фесорные. И не
то, какъ бываетъ Московская работа, то надежны
какъ: прочность такая, самъ и ободреть и локоть
покроетъ.

Иликовъ. Ну, Михайлова давно нить на свѣтъ.

Собакевичъ (не слушая и очень энергично). А Пробка
Стелочъ, платните! Я голову прозакладую, если
вы горь слышите такого мужика: Бывъ, то за си-
мича была! Сиди отъ въ чарожи, слы бы, Того
знаешь, то дамы: трехъ аршинъ съ вершикомъ
ростомъ.

Иликовъ. Но второй и Пробки нить на свѣтъ.

Собакевич (неслушая) А Милушкин куртитесь! могь поставить пель въ какомь угодно друмь. — Максимъ Мелютниковъ, сопотнитесь! что ии-ломъ колычеть, то и сапоги, а что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ Хмельного. А Еремей Сорокандехинъ; да этотъ мушкинъ одиень ста-нетъ зовъ всьхъ: въ Москвонь торговалъ, одного об-рону приносилъ по пятисотъ рублей. Втюрь вотъ какой нарооу! Это не то, что вамъ продають какой нибуръ Пломкинъ.

Шинковъ. Но позволите, зачѣмъ вы ииисяе-те все иаъ колества? Втюрь въ нихъ теперь под-ку нитъ никакого, втюрь это все нарооу мертвий. А мертвымъ тьломъ хоть заборъ пофтирай, говоритъ пословица.

Собакевич (раздумывая). Да, конечно, мерт-вые. Втюрь и то сказать, что изъ этихъ лю-дей, которые ииаются теперь тивуцими? Что это за люди? Мухи, а не люди.

Шинковъ. Да все-же они существуютъ, а это втюрь мечта.

Собакевич. Ну, нтъ, не мечта! А вамъ долоту, коковъ былъ Михеевъ, такъ вы такъ иаъ сдой несн-щитѣ: машиница такая, что въ эту комнату не войдетъ. Нтъ, это не мечта! А въ плечицахъ у него была такая силлица, какой нтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, зоръ бы вы въ другомъ стѣ-тѣ помилъ токую мечту.

Шликовъ. Ну что, больше двухъ рублей я не могу дать.

Собакевичъ. Извольте, тогда не претендовали на меня, что дорого запрашиваю... Я хочу ваять сорвать изображение, извольте по селмидеянти пяти рублей за фигуру, только ассимиляциями; право, только для знакомства.

Шликовъ (насманиливо). Мне странно, право! кажется, между нами происходит какое-то театральное представление, или комедия: что же я не могу себя объяснить... Вы, кажется, чувствуете довольно умный, владеете творческими образами-воплощениями. Это же предметъ просто огу-огу! Что же онъ стоит? Кошу нуркенъ?

Собакевичъ. Да вотъ вы-же покупаете, стало быть нуркенъ.

Шликовъ (нежного смущаяся). Я... я... у меня обстоятельство семейная... отношения оралиль-ныя...

Собакевичъ. Мне не нужно знать, какия у васъ отношения: я въ оралиль оралильныя не мит-шаюсь, это ваше оралиль. Вамъ понравилась фигура, я и продаю вамъ; и будете раскаиваться, что не купили.

Шликовъ. Два рублика.

Собакевичъ. Да, право! Затвердела сорока Якова-орно про всякаго, какъ говорятъ пословица. Какъ намодили на два, такъ не дотрите съ шилъ и съвразъ.

Вы давайте пожалуйста цену.

Илико́в. Извольте, по полтинку прибавлю.

Собакевич. Ну, извольте и я вам стану свое последнее слово: пятьдесят рублей. Право, фытеть себя, денежки много не купите такого хорошего народа.

Илико́в (просеяв). Жил кулак! (Всучь). Да что во саломе драть, какъ будто тожно серьезное дело, да я во дружку мотать ни почемъ возмужу. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобъ только поскорѣй избавитися. Дуракъ расловъ станетъ держать ихъ при себѣ и платитъ за нихъ подати.

Собакевич. Но знаете-ли, то такого рода покупки, я говорю это между нами, по дружбѣ, не всегда позволительны. Уразкажи я, или кто иной, такому человеку не будетъ никакого удовольствия относительно контрактовъ или вступлений въ какія либо выгодныя обстоятельства.

Илико́в (второму). Вишь куда мотать, подлец! (Всучь), стараясь казаться спокойнымъ). Какъ вы себѣ хотите, а я покупаю не для какой либо надобности, а такъ по склонности собственной мышлей... Ну, два съ полтинкой не хотида, прощайте! (Встаетъ).

Собакевич (второму). Но не сообразно, не податливо! (Всучь). Ну, Богу съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ.

Илико́в (хочетъ уходить). Ну что, я вижу не

хотите продать, продайте!

Собакевичь. Позвольте, позвольте! (Идет зонтчик, берет его за обе руки и потирает ему на носу, Шикова вскрикивает).

Собакевичь. Прошу прощения! Я кажется, вась обезножил? Потрясите, согреться стога (Подводит его къ креслу и сажает). Прошу.

Шикова (хочет подняться). Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить.

Собакевичь (удерживая). Посидите одну минутку, я вамь сейчас скажу одно приятное для вась слово. (придвигается ближе и говорит почти на ухо). Хотите угодь?

Шикова. То есть оградить пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угодя не дамь, ко-
тойки не прибавлю.

Собакевичь. Какая-же будеть ваша послед-
няя цына?

Шикова (решительно). Два съ полтиной!

Собакевичь. Право, у вась друго чловчяская
все равно, что поваренная ртына. (пауза). Угь хоть
по три рубля дайте.

Шикова. Немногу.

Собакевичь. Ну, не мало съ вами оудать, из-
вольте! Убытокь, да угь право тапой собачий:
немногу не даставить удовольствія близикему.
Вгьдъ, гай нужно и купцу совершить, тобы все
было въ порядкь!

Иликовъ. Подумайте-ка.

Собакевичъ. Ну, вотъ, то-то-же! Нужно будетъ похать въ городъ. Теперь подумайте-же задаточекъ.

Иликовъ. Къ чему-же вамъ задатокъ? Вы поучитесь въ городъ за однимъ разомъ все деньги.

Собакевичъ. Вы знаете, такъ ужъ водится.

Иликовъ (нехотя лезетъ въ карманъ). Не знаю, какъ вамъ дать; я не взялъ съ собою денегъ. Да вотъ, десять рублей есть.

Собакевичъ. То-то десять? Дайте, пострайтайте шортъ, хоть пятьдесятъ.

Иликовъ. Подумай, вотъ вамъ еще пятьдесятъ рублей, итого двадцать пять. Подумайте только рогатку.

Собакевичъ. Да на что-же вамъ рогатка?

Иликовъ. Все знаете лучше рогатку. Не ровень галъ, все сможетъ скуриться.

Собакевичъ. Хорошо. Давайте-же сюда деньги.

Иликовъ. На что-то деньги? у меня вотъ отъ, върубить; какъ только напишете рогатку, въ ту же минуту и возьмете.

Собакевичъ. Да, позвольте, какъ-же мне писать рогатку? Прежде нужно выорвать деньги. (Иликовъ кладетъ деньги на столъ. Собакевичъ накрываетъ лъвой рукой, а правой пишетъ рогатку и отдаетъ ее Иликову, потому снова проматриваетъ деньги).

Собакевичъ. Булдожка-то старенькая! (Смотритъ

ее нос светить). Немного по разорвана; ну, да между приятельями нечего на это гадать.

Иликовъ (в сторону). Ну ладно, ну ладно! Да еще и бес-тия въ придачу.

Собакевичъ (кладя деньги въ бюро). А женского пола не хотите?

Иликовъ. Нетъ, благодарю!

Собакевичъ. А я бы не даромъ и взял. Для знакомства по рублѣ за штыку.

Иликовъ. Нетъ, въ женскомъ поле не нуждается.

Собакевичъ. Ну, когда не нуждается, такъ нечего и говорить. На вкусы нетъ закона.

Иликовъ (прощаясь). Еще я хотѣлъ васъ попро-сить, чтобы эта ссорка осталась между нами.

Собакевичъ. Да ужь это само собою разумывается, тре-тьяго тутъ нечего лгмать: что по искренности про-исходитъ между друзьями, то дружно остаться во взаимной дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что по-стали; прощай и впередъ не забывать; коли выде-ржится свободный часокъ, пригласите побродить, время провести. Можетъ быть опять случится услужить вамъ нибудь другъ другу.

Иликовъ (уходя про себя). Да, такъ бы не такъ! по два съ полтиной содрать за мертвую дружбу, чер-това нулакъ. (Уходитъ).

Зачавъсь.

Картина 4^я.

Во всей комнате страшный беспорядок. На правой стороне у окна бюро, на котором навалено множество разных бумаг; между бумагами стоит ящик, накрытый тряпкой; лежат книги в котомке переплетке; кусочки закоженного милона, грязная тряпка, термидница, несколько перьев. С левой стороны, около окна, шпатель для посуды; с левой же стороны, против окна раскрытый лонберный стол, на котором, так же как и на бюро, навалены разные бумаги и ложки; на них лежат грязный вязаный кошачий Платок. На стульях картины и косяк с оставившимися мажанином. Много тарелок и стульев, из них многие с опломбированными котиками и фруктами; все это стоит в совершенном беспорядке. На потолке люстра, в холмичном, очень затененном, кадре. С правой стороны у задней стены, в углу, огромная куча всякой всячины, как-то: грязная тряпка, кусочки, желважная обложка, битая посуда, изломанная деревянная чашка, между прочим, сломанная деревянная лопата, сапожная подошва и проч.

При поднятии занавеса сцена пуста, потопить водить Шикова, входить с Маврой, которая уходит в боковую дверь на право.

Явление 1.

Шиковъ и Платкина.

Шиковъ (входит в комнату Платкина и молча

окалтриваются ее. Налль паузы входит Плюшкинъ.
Оба нѣкоторое время смотрятъ другъ на друга.

Шиковъ. Это-же, баринъ? у себя, что-ли?

Плюшкинъ. Зорька хозяинъ.

Шиковъ. Зорь-же?

Плюшкинъ. Что, батюшка, слышь ты что-ли?
 Это вась! А, воть, хозяинъ-то я!

Шиковъ. Началъ мовались о вашей экономии... и
 трудно въ управленіи ильчнннми... почелъ за долъ
 познакомиться... и причести лично свое поже-
 ніе.

Плюшкинъ (въ сторону). А подбралъ бы тебѣ тортъ
 съ твоимъ пожеланіемъ! (Вслухъ). Прошу покорный-
 ме сообразиться! (Садятся). Я довольноко не вижу го-
 стей, да признаваться, сказать, въ нихъ мало вижу
 проку. Завелъ непримитный обычай возрнть другъ
 къ другу, а въ хозяйствѣ-то утущенія... да и ло-
 мадей ихъ корили стономъ! Я довольно унъ отовѣдалъ,
 да и кухня у меня низкая, прескверная, и тудѣ-
 то совѣсьмъ развалилась, — начнемъ потить, еще
 попару надремлемъ.

Шиковъ (въ сторону). Вотъ оно какъ! хорошо, то
 я у Соболева перехватился.

Плюшкинъ. И такой свертный анекдотъ, что
 стна жоть бы клотъ въ цѣломъ хозяйствѣ. Да и въ
 самомъ дѣлѣ, какъ его приберемъ? Землица
 маленькая, мушкетъ стннвъ, работотъ не мо-
 битъ, думаетъ какъ бы въ кабакъ... того и шяди,-

пойдем на старости лить по миру.

Шиковъ. Мить однако-ть, сказывали, что у вас больше тысячи дури.

Плюшкинъ. А кто это сказывало? А вы бы, батюшка, понаехали во мою толпу, который это сказывало! Онъ перелыничко, видно хотеть пошутить надъ вами. Вотъ, болотъ, тысячи дури, а подитка солидай, а и ничего не натемь. Последнійя три года проклятая горячка выморилла у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

Шиковъ. Скажите! У много выморилла?

Плюшкинъ. Да, снесли многихъ.

Шиковъ. А позвольте узнать, сколько исломъ?

Плюшкинъ. Дури восемьдесятъ.

Шиковъ. Нить.

Плюшкинъ. Не стану лгать, батюшка.

Шиковъ. Позвольте еще спросить: вродь, эти дури, я полагаю, вы считаете со дна послонней ревизии?

Плюшкинъ. Это вы еще слова Богу, да ишь-то, что съ того времени, до ста офарцати наберетъ се.

Шиковъ. Вправду? Угломъ сто двадцать?

Плюшкинъ (оживившись). Старъ я, батюшка, чтобы лгать!.. Серьмой десяткомъ живу.

Шиковъ (воздыхая). А отъ дури соболъзную...

Плюшкинъ. Да вродь соболъзнованія-то въ карманъ не поманили. Вотъ возлъ меня тиветко

капитанъ, горить его знаетъ откуда взялся! Говорить проответилъ... „Дядюшка, дядюшкою“ и въ руку ухватитъ, а какъ начнетъ соблазновать, вой такой подыметъ, что уши бегаютъ. Съ лица весь красный: тоннику, чай, на смерть придерживается. Второ, спустились денешки - то, служба въ офицерахъ, или театральная октриса выманила, тогда вотъ онъ теперь и соблазнуетъ.

Шмиковъ. Позвольте вамъ объяснить, что мое соблазнование советамъ не такого рода, какъ у капитана и я хочу доказать это не одними пустыми словами а и фактомъ. Если вы хотите, я готовъ принять на себя обязанность платить подати за всякъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями.

Пашкинъ (удивленною, после некотораго молчанія). Да вы, батюшка, не служили-ли въ военной службѣ.

Шмиковъ (лукаво). Нѣтъ, служилъ по статтской.

Пашкинъ. По статтской?.. Да въѣдь какъ-же?.. Въѣдь это вамъ солдаты - то убытокъ.

Шмиковъ. Для удовольствія вашего готовъ и по убытокъ -

Пашкинъ. Ахъ, батюшка! Ахъ, белокоготель мой! Вотъ ухватилъ старика! Какъ-же съ позволенія вашего, чтобы не рассердится вамъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подати?

И деньги будете выдирать силой или в казну?

Шликовъ. Да мы вотъ какъ состроимъ: мы совершимъ по шашь купчую крепостю, какъ бы отъ былинъ тивые, и какъ бы въ насъ мнѣ прогнали.

Плюшкинъ. (раздумывая). Да, купчую крепостю... Вѣдь, вотъ, купчую крепостю - все издержки фирмъ казны, такіе безобъяснимые! Претже бывало казны наі мѣди оторываемся да мѣди мѣди мѣди, а теперь намъ купчую по поводу купчей, да еще и казну бумажную прибавь, - такое сребролюбие! Я не знаю какъ ни что другой не обрѣтуть по это вниманіе. Ну, скажешь бы ему какое нибудь дружественное слово! Вѣдь слово хоть кого прояснить! Кто это шговоритъ, съ противь дружественное слово не устоить.

Шликовъ (про себя). Ну, ты, я думаю, устоишь!
(Всучая). Увъ уваженія къ вамъ, я готовъ даже, издержки по купчей принять на своей счетъ.

Плюшкинъ. Ахъ, батюшка! ахъ, белокрытень!
Вай Богу всякого утешенія и вамъ, и дружка вамъ вамъ!
(Идетъ къ окну и кричитъ). Эй, Прошка! Прошка!
(Отхоронитъ отъ окна. Прошка входитъ въ комнату съ сапогами).

Явленіе 2.

Нѣ-же и Прошка.

Плюшкинъ. Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! Таку, вѣдь, какъ дерево, а покура - буйте это нибудь поломить - милое утратить!

Ну что ты приехал, дурачок, скажи чего? (Прошка молчит). Поставь самовары, - слышим! (Подавая калачи). Да вот возьми калачи, да отдай Мавры, тобы пошла в кладовую: там на полке есть сахар из кушала, который привезла Александра Степановна, - тобы подари его кь тою! (Прошка хочет бьжжж). Постой, куда-же ты, дурачина? Эхво, дурачина! Бьжж у тебя в ногах, что-ли, чешется? Ты выслушай прежде. Сахар-то сверху, гай, испортился, такь нуль отобалить его можешь, до крох не бросаешь, а снести вь курятник. Да, смотри ты!.. ты не входи, брать, вь кладовую, не то я тебя знаешь?.. березовый-то вьниколь, тобы для вкуса-то! Воть у тебя, теперь, славаый аппетит, такь тобы еще был похуже!.. Воть попробуй-ко пойти вь кладовую, а я тамь временемь из окна стону глядеть.

(Прошка уходит).

Явление 3.

Ть-же безь Прошки.

Плюшкин. Уль ли вь село нельзя доверить? (Смотрить икса на Чижкова, который размазывает картины. Подходя кь Чижкову). А знае-те, батюшка, не дурно-бы совершить купцо поскорее, а то вьсь, вьсь подь Богамь ходимь: сего дня живь, а завтра - Богь вьсть.

Чижков. То-ть, я очень радь и готовь хоть сию минуту; позвольте мнь только респиратор.

Петюшкинъ. (подумавши и взявши ключи, подошелъ къ шкафу, отперъ, встала между стаканами и там-ками). Вздъ, вотъ не слышь, а у меня была славаши мжёрникъ, если только не вытими: порождъ такіе воры! А вотъ, развѣ, не это-ли онъ? (Вытимаежь чарошникъ весь въ пылу). Еще покойница дѣлала; мащенница катонница советсьмъ было его забросила и даже не закупила канамья! Казавти и всякая драма, было потикамилъ туда, но я весь соръ-то повинулъ и теперь вотъ истетиюкая, я вамъ намыло фромолку.

Шиковъ. Я утло и тмь, и тьмъ.

Петюшкинъ. Тмь уже и тьм! Да, конечно, хо-рошого общества иловотка хоть итѣ узнаемъ: онъ не тьмъ, а сытъ; а какъ такъ какой нибудь ворши-ка, дръ его сколько ни корем... Вздъ, вотъ, капитанъ пришедетъ: „дядюшка, говоритъ, дойте чю нибудь похьтъ!“ А я ему такой-же дядюшка, какъ онъ итѣ дѣтюрника. У себя дома тьмъ видно чегло, такъ вотъ онъ шатается! Да, вздъ вамъ нуженъ резетриксъ всьхъ тмьхъ турнеорцевъ? Какже, я какъ знамъ, - всьхъ ихъ сткамъ на особую бумажку, тьмъ при первой подаитъ ревизии, всьхъ ихъ выертитиуть.

Шиковъ (просматривая списокъ). А вздъ вамъ нужно будетъ для совершения куплей прийтхатъ въ городъ.

Петюшкинъ (истуранно). Въ городъ? Да какъ-же? а дрмъ-то какъ оставити? Вздъ у меня кародъ

или ворья, или мамонтника: в день так обернуть, что и картана не на язык бюджету повесить.

Иликовъ. Какъ не илкнуть-ли какого нибудь знакомого?

Плюшкинъ. Да какой-же знакомого? Вроде мои знакомые померли, или разноколмались... Ахъ, батюшка!.. Какъ не илкнуть? илкнуть! (Съ радостью). Вроде самъ предпродатель знакомый, (одушевляясь). Взглянь даже въ старые годы по мнѣ!.. Какъ не знать? (Еще больше одушевляясь) Орукопорытница-ли были! (Совсѣмъ увлеченъ воспоминаніями). Выплетъ по заборамъ лазил! Какъ незнакомый!... Ужъ такой знакомый! ужъ такой знакомый!.. Какъ не къ нему-ли пойтись?

Иликовъ. Конечно къ нему.

Плюшкинъ (почти со слезами). Какъ-же, ужъ такой знакомый! Вроде мы были друзьями. (Идетъ къ столу, долго ищетъ запамятовавъ помятый стол). Вотъ вроде летала на столъ четвертка шестой бумагой, да не знаю куда запропастилась: ноги у меня такіе нелюбные! Мавра! Мавра!

Явление 4

Тю-же и Мавра (входитъ съ тарелкой на которой кумилъ и ставитъ на столъ настѣво).

Плюшкинъ. Куда ты дѣла, разбойница, бумагу? Мавра. Ей-ей, баринъ, не вножаса, отринь небольшое лоскутка, которыми изволи прикрыть рошкы.

Плюшкинъ. А я вотъ по глазамъ вижу, что под-
тибрила.

Мавра. Да на тобы я подтибрила? Въдь антъ
проку въ ней никакого: я грамотъ не знаю.

Плюшкинъ. Врешь, ты смысла понамаренку: отъ
маракунетъ, такъ ты ему и смысла.

Мавра. Да понамаренку, если захочетъ, такъ
достанетъ себѣ бумагу. Не видашь отъ вашего ло-
скутка!

Плюшкинъ. Вотъ погоди-ка: на строинномъ
судгѣ терти припекуть тебя за это жемъзны-
ми рогащками! Вотъ посмотримъ, какъ при-
пекуть!

Мавра. Да за что-же припекуть, коли я не
брала и въ руки четвертки? Ужъ, скорый, другой
какой бабей слабостью, а воровствомъ меня еще
ништо не попрекаль.

Плюшкинъ. А вотъ терти-то тебя и припе-
куть! Скажутъ: „а вотъ, тебѣ, мошенница, за
то, что барина-то обманывала“. Да горячимъ-
то тебя и припекуть!

Мавра. А я скажу: „не за что! не брала я!“ (Уви-
дѣла на полу у стола четвертку). Да вотъ она ле-
житъ на полу. Всегда напрасливой попре-
каете!

Плюшкинъ (увидѣя четвертку). Ну что-жъ
ты расхорючила такъ? Экая замозглтая! Эй ска-
жи только одно слово, а она уже въ отвѣтъ
десятитъ. (Садится и шипитъ). Поди-ка принеси

огоньку запечатать письмо. Да стой! ты сват-
тини самому свзьну, само-то, дьмо тонкое, сло-
жить дра и шотть, только зуботокъ; а ты при-
неси-ка мнѣ мушкету.

Мавра (уходитъ).

Явление 5.

Платонкинъ (пишетъ письмо, потомъ пере-
стаетъ писать). А не знаете-ли вы какого-ни-
будь вашего приятеля, которому-бы понадоби-
лись бѣглые дружки.

Шниковъ. А у васъ есть бѣглая?

Платонкинъ. Въ томъ-то и дѣло, то есть.

Шниковъ. А сколько ихъ будетъ исконо?

Платонкинъ (не отставляя писать). Да десятковъ
орскимъ тоже наберется.

Шниковъ. Ну что.

Платонкинъ (спирающаяся письмо). А ей-же ей, такъ!
Въдь у меня, что годъ, то бѣгалотъ. Народъ-то боль-
но прожорливъ, отъ праздности завѣлъ привычку
трескать, а у меня гостъ и самому нелого.

Явление 6.

Мавра (вноситъ зашнурованную мушкету. Платонкинъ за-
печатываетъ письмо).

Платонкинъ. А ужъ за нихъ, что ни дай, взяла бы.
Такъ посоветуйте вашему приятелю-то: оты-
щимъ въдь только десятковъ, такъ вотъ ужъ у
него и славыя деньги. Въдь ревизская дѣла сто-
итъ въ пятистахъ рубляхъ. (Подаетъ Шникову пись-
мо къ предводителю).

Шшиковъ (въ сторону). Ну, этого мы приятно и похлопать не дадимъ. (Вслухъ). Ныть, ныть! такого приятеля у меня не найдется; да и потомъ один издержки поэтому дружку будучи стоять. Отъ судьбы нужно отпросить полы собственного кармана да ухорить подалее. Но, если ужъ вы другъ - ствительно такъ стиснуты, то я, будучи подвигнуть ухватилъ, потому готовъ дать... но это такая бездельница, о которой даже не стоитъ и говорить.

Петошкинъ. А сколько-бы вы дали?

Шшиковъ. А бы дакъ копьякъ по двадцати пяти за дружку.

Петошкинъ. А какъ вы покупаете, на чистяе?

Шшиковъ. Десятьлакъ и деньги.

Петошкинъ (умоляющимъ голосомъ). Только, батюшка, раба нищета - то моей, - ужъ дали-бы по сорока копьякъ.

Шшиковъ. Потеннѣйшій! не только по сорока копьякъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы, по тому что вижу: потенный, добрый старикъ терпитъ по прилику собственного добродушия.

Петошкинъ (почти со слезами). А... такъ... правда... все отъ добродушия.

Шшиковъ. Ну, видите-ли. А вдругъ потти-нуца ваша коронетеръ, и такъ, почему-тъ не дать мнѣ по пяти сотъ рублей за дружку. Но само-яня ныть; по пяти копьякъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждой дружке обомла, та-

кими обривами, по тридцати копеек.

Платкин. Ну, батюшка, боя боя, хоть по двести копеек приплетите.

Шиков. Ну, по двести копеек, извольте. Столько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?

Платкин (боязливо). Моты, всего наберется семьдесят восемь.

Шиков. Семьдесят восемь... семьдесят восемь... по тридцати копеек за дюжину, это будет... это будет двадцать четыре рубля девятью шесть копеек. Вот вы получите деньги и напишите мне рожищу.

Платкин (принимает деньги обвисли губами и очень оторопато несет их к бюро, потопом берет список вглядел и подает Шикову). А это, вы уж собираетесь вкосты?

Шиков. (берясь за шляпу). Мне пора.

Платкин. А чайку?

Шиков. Моты, чайку пусть лучше, когда нибудь, в другое время.

Платкин. Как-же? а я приказал самовар. А, признаться сказать, не охотится до чая! Натянуло дорогой, да и цына на сахар поднялась немилосердная. Прошка!

Явление 7.

Прошка (входит).

Платкин. Не нужно самовар! (Идет к столу и берет щипцы). Сахар отнеси Мавру, слышишь?

пусть его положит на то-же место. (Прощай
идеть). Или пусть, подай его сюда! (Ставитъ на
настоль). А что само его снесу. (Прощай
уходить).

Явление 8.

Петюшкинъ. Прощайте, батюшка, да благо-
словить васъ Богъ! А тильно-то предводате-
лю вы отдайте. Да пусть протетъ, онъ
мой старый знакомый. Какъ-же! (Проводитъ).
Былъ съ ними однокорытники.

Ушкинъ (уходитъ).

Явление 9.

Петюшкинъ (сидитъ). А надо-бы въ самомъ дѣ-
лѣ какъ нибудь поблагодарить его за такое без-
примѣрное великодушие. А я вотъ что: я ему по-
дарю карманные часы; они вѣдь хорошие, серебрян-
ные часы, а не что какіе нибудь платиновые
или бронзовые, — нелитко позолоченные, да ни-
чего, онъ тамъ себѣ ихъ поправитъ. Онъ вѣдь
еще молодой, такъ ему нужны карманные часы,
чтобы поправиться своей невѣсткой. (Раздумывая).
Или пусть, лучше я оставлю ихъ ему послѣ моей
смерти, въ духовной, чтобы вспоминать обо-
мнѣ. (Садится къ столу, наливаетъ переслиты-
вотъ и размакивать деньги покрептыя отъ У-
шкина; за сценой стучатъ. Петюшкинъ въ страшной
испугѣ оборачивается къ средней двери. Кар-
тина).

Занавѣсъ.

Картина 5^я.

Трактир на большой дороге.

Явление 1.

Иликово и Старуха.

Старуха (въ пестрыхъ ситцахъ, отворяя двери).

Сюда пожалуйте!

Иликово (входя). Поросятка есть?

Старуха. Есть.

Иликово. Съ хрюномъ и со сметаной?

Старуха. Съ хрюномъ и со сметаной.

Иликово. Давай его сюда. (Старуха приготавливаетъ къ столу). А какие въ окрестности находятся у васъ помшцики?

Старуха. Всякие есть помшцики: Блохинъ, Политовъ, Мыльной, Темриково полковникъ, Собакевичъ.

Иликово. А! Собакевича знаемъ?

Старуха. Какъ не знать? Еще Маниловъ помшцикъ. Ну, Маниловъ будетъ повеликаться Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и темятнички; коли есть баранья печенка, то и бараньей печени и всего только что потребуется. А Собакевича одного чего нибудь спроситъ да утѣ за то все съестъ, даже и подбавки потребуетъ за ту-же цѣну.

Иликово (въ это время рѣсть поросенка. Входятъ Митиуевъ, въ халатѣ кланяется Иликову, тотъ отвѣчаетъ тѣмъ-же).

Авдение 2.

Мр-же и Митцелово.

Митцелово (покаль ты по тоторого момоманія). Пола по дорота совершенно прийдита впероминимъ дот-демель; теперь вхатъ и прохладно и приятно.

Шинкова. Ваше замѣчаніе совершенно справедливо: имено прохладно и приятно.

Авдение 3.

Мр-же и Позоревово (входитъ). Ба, ба, ба! Какими судьбами! Куда воздѣло? А а, братъ, съ ярмарки. Позоревово: проорулся въ туль! Впринимъ-ли никогда въ жизни такъ не проорувался. Вродъ я на обывательскіяхъ приѣхалъ! Вотъ посмотри направо въ окно! (Мащитъ Шинкова къ отцу). Видишь какая дрянь? Машину оттолкнулся, проклятыя! А укъ перелазъ вотъ въ его бривку. А вы еще не знакомы? Зянь мой Митцелово... Мы съ тобой все утро говорили о тебѣ. Ну, смотри, говорю, елимы не встрѣтитъ Шинкова! Ну, братъ, елима ты знаешь, какъ я проорулся! Повпринимъ-ли, что не только удучоимъ четырехъ рысаковъ, - все спущимъ! Вродъ намъ нѣтъ ни цѣпоки ни галовъ. А, вродъ, будъ только офадцать рублей въ карманъ, имено не больше, какъ офадцать, я отыпралъ вы все, поестъ кромя того, что отыпралъ-бы, вотъ какъ честный человекъ, тридцать тымакъ сейлакъ вы положи въ бумажникъ.

Митцелово. Ты, однако и тогда такъ говорили, а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей,

тутъ-же проадили ихъ.

Ноздревъ. И не проадили-бы! Эй-Богу не проадили бы! Не сортой я само шупотъ, право не проадили бы! Не залми я поить короле на проплатной семерткъ утку, я бы мого сорвать весь банкъ.

Митчуръ. Однако-тъ не сорвалъ.

Ноздревъ. Не сорвалъ, потому что залнул утку не во время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

Митчуръ. Хорошо или не хорошо, однако-нх онъ тебя обыгралъ.

Ноздревъ. Эка важность! Этакъ, и я его обыгралъ! Вотъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ, Шитковъ, какъ попутими мы въ первые дни! Правда, Арморка была отпущенная! Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съезда. У меня все, что не привезли изъ деревни, продали по самой выгоднейшей цѣнѣ. Эхъ, братъ, какъ попутими! Теперь даже, какъ вспомнишь, горть воьми... Какъ жаль, что ты не былъ. Подробиси, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ французскій полкъ. Втримъ-ли, уо офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человекъ однихъ офицеровъ было въ городѣ. Какъ начали мы, братецъ тить! Штабъ-ротмистръ Поцуръ-муръ, такой славный! Усы, братецъ, тожя! Бордо называется просто „бурдашкой“... „Принеси-ка, братъ, говоритъ, бурдашки!“ Порушка Кувшин-

никовъ... Ахъ, братецъ, какой прекрасный человекъ! Вотъ ужъ, можно сказать, волей оранжереи купила. Мы все были съ ними вельюты. Какого вина отпустили намъ Понасмарева... Ну, ты же знаешь, что это моментникъ и въ его словъ ничего нельзя брать; въ вино лезаетъ всякую оранжерею-сандаль, жженую пробку и даже бузиной, погуще, затираетъ; но зато, ужъ если вытащить изъ дальней комнаты, которая называется у него особенной, какую нибудь бутылочку, ну, протто, братъ, находимся въ империяхъ. Малпанское у насъ было такое... это передъ нами удивительное-протто квасъ! Вообрази: не Кемко, а какое-то Кемко-мантрадура; это значитъ оранжерею Кемко. У еще оранжерею одну бутылочку оранжерею подъ названиемъ: бондонъ. Запахъ-розетка! и все, что хотимъ! Ужъ такъ попустили!.. После насъ привели какой-то князь, послали въ славу за малпанскими, хотя ни одной бутылки во всемъ городе, все офицеры выжили. Взрвали-ли, что я одинъ, въ продолжении обхода, выжили семьнадцать бутылочекъ малпанского.

Микцево. Ну, семьнадцать бутылочекъ ты не выжили.

Позднее. Какъ честный человекъ, говорю, что выжили.

Микцево. Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебе говорю, что и десяти не выжили.

Позднее. Ну, хотимъ обѣ закладъ, что выжили.

Митяевъ. Къ чему-же оубо закладъ?

Ноздревъ. Ну, поставь свое ружье, которое ты —
имелъ въ горюхъ.

Митяевъ. Не хочу.

Ноздревъ. Ну, да поставь, попробуй.

Митяевъ. И продовать не хочу.

Ноздревъ. Да, была бы твоя вещь ружья какъ безъ шотки. Да, братъ, Тимковъ! то есть какъ я жалелъ, что тебя не было. А знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужь какъ-же бы вы съ нимъ сошлись! Это не то, что прокуроръ и все губернскіе скрепы въ нашемъ горюхъ, которые такъ и трясутся, за которую попойку. Тотъ, братецъ, и въ галовникъ и въ банничко, и во все, что хочешь. Да, Тимковъ! Ну, чтобы тебя стоило привѣщать? Право, свиттучь, ты, за это! Скотовооръ этакій! (Цыцаетъ его). Поцѣлуй меня, дружка моя! (Стоитъ обнявъ Тимкова). Митяевъ, слотри: вотъ судьба свела. Ну, что онъ мать, или я ему? Онъ привѣщалъ Бога знаетъ откуда, а тоже горько живу... А сколько было, братъ кареть и все это en gros! Въ фор-тунку крикнулъ: выигралъ двѣ дюжины помады, ораторовую галку и штату. Потомъ опять поставилъ огню разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ того, шесть цыпковъ. А какой, если бы зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на вѣсѣхъ почти бѣлахъ. Одна такая разорятая, рюми по ней и трюми, и чертъ

знаешь чего не было... Я думаю сесть только, горсть
возьми! А Кувычкинское, то есть такая бестия,
податься к ней и на французском языке под-
пускает ей такие комплименты... Повстрели-
ли, протыкаешь бадю не пропустишь. Это оно назы-
вается пользоваться на счет клубнички... Рыбы
и балыков навезли чудных. А тоже привезь съ
собой одно, хорошо, то догадался купить, когда
были еще деньги. Ты куда теперь поедешь?

Шинковъ. А къ человеку одному.

Мозуревъ. Ну, что человек! Брось его! Поедешь
ко мне!

Шинковъ. Нельзя, нельзя! есть дело!

Мозуревъ. Ну, вотъ ужь и дело. Ужь и выду-
мать. Ахъ, ты, Ополовдедокъ Иваныч!

Шинковъ. Право дело, да еще и нужное.

Мозуревъ. Парни держи-время! Ну скажи такъ
къ кому поедешь? Ахъ, братъ, вотъ позабылъ
тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отста-
нешь, но за десять тысячъ не отдашь, напередъ
говорю. (Подходитъ къ окну). Эй, Порпориий! Эй,
Порпориий! Принеси-ка щетка. Какой щеткой!
Краденый — ни за сколько себя не отдавался хо-
зятину. А елку сумелъ кауру кобылу, которую, пом-
нишь, вымывалъ у Хвостырева.

Авдеевие 4.

Тро-же и Старуха (входитъ и обращается
къ Мозуреву). Баринъ, ничего нехотите заку-
пить?

Моздревъ. Ну что, братъ, какъ поживаетъ!
Впрочемъ, давай промну водки. Какое у тебя
есть?

Старуха. Амиговая.

Моздревъ. Ну, давай амиговую.

Митчуревъ. Ну, давай хоть и пить промну.

Моздревъ. Въ театрѣ, одна артистка, такъ,
какаясь, была, какъ камарейка. Кувыркинъ,
который сидѣлъ возле меня, - вотъ, говоритъ,
полакомился бы на сценѣ клубнички! Артистка была
какаясь, я, думаю было пятьдесятъ. Артистки че-
тыре часа вертятся мелочицей.

Входитъ старуха приноситъ водку, Моздревъ и Митчуревъ берутъ. Входитъ Порпорирій, приноситъ щенка.

Актъ 5.

Ты-же и Порпорирій.

Моздревъ. А! давай его сюда! Давай его! Куда-
ди сюда на полъ! Вотъ щенокъ! (къ Порпорирію)
ты, однако-же не сорвался того, что я тебя во-
ворилъ: и не подумай выгнать его?

Порпорирій. Нотъ, я его выгнывалъ.

Моздревъ. А отчего-же блохи?

Порпорирій. Не могу знать. Статъся можетъ,
како нибудь изъ брички попомъзли.

Моздревъ. Время, время, и не вообразилъ че-
сать. А, думаю, дуракъ, еще своего пощупать.
Вотъ, посмотри-ка!.. Тишиковъ, посмотри какія
уши! Какъ-ка, пощупай рукой!

Шинковъ (поцупавъ чум). Да, хорошая будетъ собака!

Ноздревъ. А носъ? Чувствуешь какой холодный? Восьми — по рукою.

Шинковъ (трогам носъ). Хорошее чутые.

Ноздревъ. Настоящий мордашник!.. Я, признаюсь, давно толмилъ зубы на мордашю. Но, Порпорирій, отнеси его. (Порпорирій уходитъ). Послушай, Шинковъ, ты друженъ теперь непременно хочешь комить, пять верить всего, духомъ дружимся.

Шинковъ (поцупавшим). Изволь, поцупель, поцурь, не задерживай: мнѣ время дорого.

Ноздревъ. Ну, душка, вотъ это такъ! Это хорошо! Постой — же я тебя поцуплю за это! (цупуются). И славно втрапавъ поцупились.

Мизгелевъ. Ну, ты чумъ поцупуиста, меня — то отпусти. Мнѣ нужно другой!

Ноздревъ. Ну, ну, ну, братъ, не тушу!

Мизгелевъ. Право, жена будетъ сердиться. — Теперь же ты можешь перелыть вотъ въ важную дружку.

Ноздревъ. Ну, ну, ну! И не думай! Вздоръ! (Ноздревъ беретъ картузъ и идетъ къ выходу).

Стоцуха (къ Ноздреву). За водоросу, баринъ, не затопили.

Ноздревъ. А! Хорошо, хорошо, матушка!.. Послушай, затежь, затопи поцупуиста. У меня деньги нтъ ни копѣйки въ карманѣ.

Митцеев. Сколько тебе?

Старуха. До что, батюшка? Двурыветный
всего.

Ноздрев. Время, время. Дай ей пожитку, пре-
двольно съ ней.

Старуха. Маловато, батюшка. (Беретъ деньги,
кланяется и бѣжитъ отворить двери).

Замалось.

Картина 6^я.

Кабинетъ Ноздрева. Одна дверь въ серединѣ; по пер-
вои планѣ съ права и съ лѣва по окну. Съ лѣва,
близъ окна диванъ, надъ нимъ повѣшена медвѣжья
шкура, по которой два ружья, два киткала и про-
ля охотничьи принадлежностей. Съ права, противъ
дивана марматка; на ней лежитъ вышитый ки-
сетъ. Къ окну возитъ марматки должны быть про-
ходы. Порядокъ въ кабинетѣ тисаго.

Явленіе 1.

Тиликовъ, Ноздревъ и Митцеев. (Входятъ
изъ за стола послѣ обѣда).

Митцеев. Ты меня отпусти домой.

Ноздрев. И ты, ты! Не пусти!

Митцеев. Нѣтъ, не обижай меня, другъ, мой,
право повору; ты меня очень обидишь.

Ноздрев. Пустьяки, пустьяки! Мы соорудимъ
сто минуту баллишкы.

Митцеловъ (опускается все слабые). Мать, сооружи-
тай, братъ, саль, а я не могу: жена будетъ
въ большой претензии; право я долженъ ей раз-
сказать о Ярионке. Нужно, братъ, право нуж-
но доставить ей удовольствие. Мать, ты не
держи меня.

Ноздревъ. Ну, ее жену къ... Вотное, въ самомъ
дрьмъ, дрьмо станете дрьмать вместе.

Митцеловъ. Мать, братъ, она такая пощен-
ная и вьрвая. Умри оказывается такая...
повьршишь?.. У меня слезы на глазахъ. Мать, ты
не держи меня; какъ честный человекъ, по-
ду, и тебя въ томъ уверяю по истинной со-
вести.

Уликовъ (тихо Ноздреву). Пусть его въдетъ,
то въ немъ проку.

Ноздревъ. А и въправду! Ну, горитъ съ тобой,
повьзтай баблится съ женой, Оттоколь!

Митцеловъ. Мать, братъ, ты не ругай меня
Оттокомъ, я ей жизнью обязанъ. Такая пра-
во, добрая, милая, такая ласки оказывается, до
слезъ раздираетъ. Спросить, что видьшь на
Ярионку, — нужно все разказать... такая,
право, милая.

Ноздревъ (встааетъ, идетъ за оружанкой Ми-
целова). Ну, повьзтай! Вьри ей чепуху! (нагръ -
ваитъ на него оружанку).

Митцеловъ (встааетъ, очень пьяный, но не ма-
тается, а съ трудомъ произноситъ слова). Мать,

братъ, тебѣ совѣтъ не слѣдуетъ объ ней такъ относиться; этимъ ты, можно сказать меня самого обижаетъ. Она такая милая.

(Въ это время удирало стоить).

Моздревъ. Ну, такъ и удирайся къ ней, скорѣй!

Миткуловъ. Да, братъ, пойду. (Идетъ къ шка-
фу и останавливается). Извини, что я
несмолу остановился, душой радъ бы, но несмолу.
(Опять идетъ немного не твердо и вновь остано-
вливается). Я радъ бы душой... (Языкъ почти не
поворачивается). Но несмолу... (Скрывается. Моздревъ
и Шинковъ пошмыгиваются, идя на дверь. Ми-
ткуловъ скрывшись, сейчасъ-же показывается опять,
и снова скрывается).

Моздревъ. Такая дрянь! (У окна). Вотъ какъ
потопился! Конечно притяжной не дуракъ, я
дално хотѣлъ познакомиться его, да вторю съ нимъ
нельзя никакъ сойтись: Детокъ, просто Де-
ттокъ!

(Порфирій вноситъ свѣчи. Моздревъ подходит
къ Шинкову съ картами въ рукахъ. Оттуда
онъ ихъ беретъ, рублика не давая взыскать).

Моздревъ. А что, братъ? для прерывающаго
времени - держу триста рублей банку.

Шинковъ (какъ бурто и не смыхавъ предложе-
ния). Тебѣ не забыть, у меня къ тебѣ просьба.

Моздревъ. Какую?

Шинковъ. Дай прежде слово, что исполнишь.

Моздревъ. Да какая просьба?

Шинковъ. Ну, ужь дай слово.

Мозоревъ. Изволь.

Шинковъ. Тестное слово?

Мозоревъ. Тестное слово.

Шинковъ. Вотъ какая просьба. У тебя есть,

дай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизии.

Мозоревъ. Ну, есть, а что?

Шинковъ. Переведи ихъ на меня, на мое имя.

Мозоревъ. А на что тебе?

Шинковъ. Ну, да много нужно.

Мозоревъ. Да на что?

Шинковъ. Ну, да ужь нужно, это мое дело... словомъ нужно.

Мозоревъ. Ну, ужь видно что нибудь затъямъ. Признайся, что?

Шинковъ. Да что затъямъ? Изъ такого участка и затъять ничего нельзя.

Мозоревъ. Да затъямъ-же они тебе.

Шинковъ. Охъ, какой молодопытный!.. Ему всякую дрянь хотълось-бы пощупать рукой да еще и потрогать.

Мозоревъ. Да къ чему-же ты не хочешь сказать? Такъ вотъ-же: до тыхъ поръ, пока не скажемъ, не сорълаю.

Шинковъ. Да что-жь тебе за прибыль знать? Ну просто, такъ, пришла ораштан-зия. Ну, вотъ, выоримъ... вотъ ужь и не

естно со твоей стороны: слово дано, да и на понятной дворе.

Мозоревъ. Ну, какъ себя хочешь, а не сошлаю, пока не скажешь на что?

Шликовъ (про себя). Чтобы такое сказать ему. (Вмучахъ). Ну, хорошо, изволь: много нужды мертвые души для приобретения всеу въ обществѣ. Помыслы твои большыя пока я не слышу, ну, зато, до того времени, хотылось бы слышать хоты какія нибудь документы.

Мозоревъ. Время, время, время, братъ!

Шликовъ. Ну, такъ я-же тебѣ скажу прямо, только, пожалуйста, не проговоришься никому. Я задумала жить такъ, но нутно тебѣ знать, что отецъ и мать невольны предвѣщательныя слухи. Такая право комиссия! Не радъ, что связался: хотыть непременно, чтобы у тебя было никакъ не меньше трехъ сотъ душъ, а такъ какъ у меня цыплякъ похи похитора такъ не достаетъ.

Мозоревъ. Ну, время, время!

Шликовъ. (показывая большимъ пальцемъ на сизитуръ солоную славянскую часть). Ну, вотъ ужъ зорька, ну вотъ насколько не солонела.

Мозоревъ. Голову ставлю, что время.

Шликовъ. Однако-жь это одно! Это-же я такое въ солонель душить? Почему-же я не присутствую ему?

Ноздревъ. Ну, да вѣдь, я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ, позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружествѣ. Если-бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повисилъ на первомъ деревѣ. Я тебя говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто, по дружеству говорю.

Шликовъ. Всему есть границы; если хочешь пощелкать подобными флюсами, такъ ступай въ казармы! (прохаживается. Небольшое молчание) Не хотимъ подарить, такъ продай.

Ноздревъ. Продать? Да вѣдь я тебя знаю, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты денегъ не даешь.

Шликовъ. Жь, да вѣдь ты тоже хитрецъ! Смотри ты, что есть у тебя бриллиантовыхъ, что-ли?

Ноздревъ. Ну, такъ и есть! Я знаю тебя знаешь!

Шликовъ. Подумай, братъ, что-же у тебя за эфирное побужденіе. Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

Ноздревъ. Ну, послушай, чтобы доказать тебѣ, что я вовсе никакой-нибудь спекулянтъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, а тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

Шликовъ. Ну, подумай, на что-же мнѣ жеребецъ?

Ноздревъ. Какъ на что? Да вѣдь я запла-

тысяч за него десять тысяч, а тебе отдаю за
четырех.

Шликовъ. Да на что же мне жеребецъ? За-
вода я не держу.

Мозоревъ. Да послушай, ты ничего не пони-
маешь: вонъ я возьму съ тебя теперь всего
три тысячи, а остальную тысячу ты мо-
жешь заплатить позже.

Шликовъ. Да не нужны мне жеребцы. Божь
съ нимъ.

Мозоревъ. Ну, купи кобылу кобылу.

Шликовъ. И кобылы не нужно.

Мозоревъ. За кобылу и за старого коня, кото-
рого ты у меня вонъ взял, возьму я съ тебя две
тысячи.

Шликовъ. Да не нужны мне лошади.

Мозоревъ. Ты ихъ продашь; тебе на пер-
вой ярмарке за нихъ дадутъ второе боль-
ше.

Шликовъ. Такъ лучше ужъ ты ихъ сейчасъ
продай, когда уверены что выиграешь второе.

Мозоревъ. Я знаю, что выиграло, да мне хо-
чется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Шликовъ. Благодарю за расположение, но
лошадей не куплю.

Мозоревъ. Ну, такъ купи собаку. А тебе про-
дашь такую пару, просто морозъ по коже по-
дираетъ! Брыдастая, съ усами; шерсть стоитъ
вверхъ, какъ щетина; дождоватость ребра,

улы неостыжисшая; лапа вся въ комитт, зем-
ли не задрынешь.

Шмиковъ. Да затыль мнѣ собаки? Я не охот-
никъ.

Ноздревъ. Да мнѣ хочется, чтобы у тебя
были собаки. Послушай, если утѣ не хочешь
собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чуд-
ная шарманка! Самому, какъ честный цело-
воткъ, обошлось въ полторы тысячи, тебѣ
отдано за оубеять сотъ рублей.

Шмиковъ. Затыль-те мнѣ шарманка?
Вторъ я не нѣмлю, чтобы тыцалъ съ ней по доро-
жамъ, выпрашивать оубеями.

Ноздревъ. Да вторъ это не такая шарманка
какия носятъ нѣмцы. Это оубе, посмотри
нарочно: вся изъ крашеного оубеа. Ну, да если
не хочешь на оубеи, - такъ вотъ что, слу-
шай: я тебѣ оубе шарманку и вотъ, сколько
имеетъ у меня, мертвые оубеи, а ты мнѣ
дай свою бритку и триста рублей прида-
ми.

Шмиковъ. Ну, вотъ еще! А я-то въ чему-
же поведу.

Ноздревъ. А тебѣ оубе оубе бритку.
Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее.
Ты ее только перекрости и будетъ чудо-
бритка!

Шмиковъ (въ сторону). Жъ его неугомонный
двѣсь-то оубе.

Мозоревъ. Да вроде брника, мармолика и мертвые дружи все власть.

Иликовъ. Не хочу!

Мозоревъ. Оттого-же ты не хочешь?

Иликовъ. Оттого что противно не хочу да и полно!

Мозоревъ (отодвигает отъ него). Какой ты, право, какой! Съ тобой, я вижу, нельзя какъ водитъ ся между хорошими друзьями и товарищами... такой право!.. сейчасъ видно, что двуличный человекъ.

Иликовъ. Да что-же я дуракъ, что-ли? Ты походи самъ: заглянь-же приобрести вещь, тщательно для меня не нужно.

Мозоревъ. Ну, ужь, пожалуйста, не говори. Теперь, я очень хорошо тебя знаю; такая, право, фракия! (После небольшого молчания, подхо- дя). Ну, послушай: хотимъ метнемъ бол- лишь?

Иликовъ (подозрительно смотритъ на кар- ты). Но ты итись въ банкъ - значитъ под- вергаться неизвестности...

Мозоревъ (сидя подитъ Иликова у стола). Оттого-же не- известности! Никакой неизвестности! Будь жалько на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чертову пропасть. Вотъ она! Это счастье! (Мерить банкъ). Это счастье! Это счастье! Вотъ такъ и колотить! Вотъ ты, проклятая девятка, на которую я все просядусь! -

увеселованы, что предостать, да унесь зажалуришь
глаза душного себѣ: горить тебя подери, предавай
проклятая! Отчего-же ты не хочешь играть?

Шниковъ. Ну, оттого, что не расположенъ. Да,
признаться сказать, я вовсе не охотникъ иг-
рать.

Ноздревъ. Отчего-жъ ты не охотникъ?

Шниковъ. Потому, что не охотникъ.

Ноздревъ. Дрянь-же ты!

Шниковъ. Что-жъ драть? такъ. Боги соз-
дали.

Ноздревъ (отходит отъ него на другую сторону).
Оттокъ, просто! Я душой всего престою, что
ты хоть сколько нибудь порядочный человекъ,
а ты никакого не понимаешь обращения, съ то-
вой никакъ нельзя говорить какъ съ человекомъ
близкимъ... Никакого прямоурия, ни искрен-
ности, совершенный вообидишь, такой подище!

Шниковъ. Да за что-же ты братишка. Выто-
вантъ расловъ я, что не играю. Продай мнѣ душу
однако, если унесъ ты такой человекъ, что доро-
жить изъ за этого взоромъ.

Ноздревъ. Горно алыкого получишь! Хотѣлъ-
бы, даромъ хотѣлъ откопать, но теперь вотъ
не получишь-же, хотѣ при царствѣ давай, не
оторать! Такой шельникъ, пертикъ гадкий! Съ
этимъ поръ никакого дряла не хочу съ тобой иг-
рать! (Быстро встаетъ и идетъ къ двери). Пор-
дирій! (Кривитъ въ дверь). Ступай, есаулъ ко-

тпоху, тодь не довалъ овса слома дьямъ его, пускай
ихъ коритъ одно стно. (идеть на претнее мн-
то и садитя къ Шикову стилой). Душе бы тое
просто на глаза не показывался.

Шиковъ (про себя). Дорнако горть знаетъ ка-
кую глупость я сорлома. На кой горть я задово-
рять съ нимъ о мертвыхъ душлахъ? Вьодъ Нозо-
ревъ—это совьсьмь дрянъ человекъ; вьодъ онъ мо-
жетъ навратъ, прибавитъ, распуститъ горть
знаеть что, еще выйорутъ какія нибудь сплетни..
Не хорошо, не хорошо... просто дуракъ я!..

Нозоревъ (немного повернувся къ нему). Ну,
такъ какъ-те дулаемъ? Не хочемъ шротъ на
души?

Шиковъ (заикивовоцимъ тономъ). А уже ска-
заль тебѣ, что не шраю. Купитъ, ишволь куп-
мо.

Нозоревъ (совьсьмь повернувся). Продатъ я не
хоу: это будеть не по приятельски. Я не ста-
ну стислатъ плевьы черть знаетъ съ чего. Вь
болникъ дьругое дьво.. Прокинемъ хотъ та-
лію.

Шиковъ. А уже сказаль, что нуть.

Нозоревъ. А шьнатся не хочемъ?

Шиковъ. Не хоу.

Нозоревъ (вставая и подходя къ Шикову). Ну,
послушай: сырава въ шашки. Вышраемъ
— твои вьт. Вьодъ у меня много такихъ, кото-
рыхъ нужно выгерннуть изъ ревизии. — Эй,

Порофирій! (Возвратить Порофирій). Принеси-ка сюда мамелиницу.

Шимковъ. Попросятъ трудъ; я не буду играть.

Поздуревъ. Да вѣдь это не деньги; тутъ никакого не можетъ быть расчета, или расчета: все вѣдь отъ искусства. А, даже предпринимая тебѣ, что собственно не умно играть, развѣ, что нибудь впередъ дамъ.

(Порофирій вноситъ мамелиницу и ставитъ на столъ. Поздуревъ прозатѣвываетъ мамели.

Порофирій уходитъ).

Шимковъ (про себя). Свѣтъ-ка я сыграло съ ними въ мамели. Въ мамели я игрывалъ не душно, а и на штыку ему здѣсь трудно подняться. (Поздуреву). Изволь, такъ и быть, въ мамели сыграно.

(Обо садятся за столъ).

Поздуревъ. Души играть въ сто рублейся.

Шимковъ. Завѣдь-же? довольно если пойдутъ въ пятидесяти.

Поздуревъ. Ничто, что-то за кушъ пятьдесятъ. Лучше-же въ эту сумму я вложу тебѣ какого нибудь ценна средней руки, или золотую печатку къ часамъ.

Шимковъ. Ну изволь.

Поздуревъ. Сколько-же ты мнѣ дамъ впередъ?

Шимковъ. Это съ какой стати? Конечно

ничего.

Моздревъ. По крайней мере играть, пусть будут мои ордера хороши.

Шниковъ. Не хочу: я самъ плохо играю.

Моздревъ (вытупная шашкой). Знаемъ мы васъ какъ вы плохо играете.

Шниковъ (подвигаемая шашку). Давненько не бралъ я въ руки шашекъ.

Моздревъ (орудная ходъ). Знаемъ мы васъ какъ вы плохо играете!

Шниковъ (орудная шашку). Давненько не бралъ я въ руки шашекъ.

Моздревъ (орудная орудную шашку рукой, а дружно обшлагивать). Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!

Шниковъ (подвигаемая шашку). Давненько не бралъ я въ руки... (Замытая шашку). Э, э! это, братъ, то? (Хочетъ отодвинуть). Отсади-ка ее назадъ!

Моздревъ (не орудная отодвинуть). Кого? (Въ это время подвигаемая обшлагивать дружно шашку).

Шниковъ. Да шашку-то... (Убидавъ дружно шашку). А эта-то откуда взялась? (Встаетъ и отходитъ на дружно сторону) Ну, ну! Съ тобой играть никакой возможности играть. Такъ не ходятъ по три шашки воруясь

Моздревъ. Отчего же по три? Это по ошибке. Она подвинулась нечаянно, а ее отодвину, изволь.

Шиковъ. А другая-то откуда взялась?

Ноздревъ. Какая другая?

Шиковъ. (подходя къ столу). А вотъ эта, это пробирается въ дамки.

Ноздревъ. Вотъ тебѣ на! Будто ты не поминишь?

Шиковъ. Ну что, братъ, я вѣдь хожу считаюсь, и все помню; ты ее только сейчасъ приоткрылъ. Эй мнѣсто вонъ горь!

Ноздревъ. Какъ-горь мнѣсто? Да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель.

Шиковъ. Ну что, братъ, это кажется ты сочинитель, да только неудобно.

Ноздревъ. За кого же ты меня почитаешь? Столпу я развѣ въпрямую?

Шиковъ. А тебя ни за кого ни почитаю, но только играть съ тобой порѣ, никогда не буду.

Ноздревъ. Ну что, ты не можешь отказаться, игра пошла!

Шиковъ. А мнѣсто право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человеку.

Ноздревъ. Ну что, время, ты этого не можешь сказать.

Шиковъ. Ну что, братъ, самъ ты время!

Ноздревъ. А не плютовалъ, а ты отказываться не можешь; ты драгачи кончатъ партию.

Шиковъ. (быстро идетъ къ столу и сѣткою воеетъ шапки). Этого ты меня не заставишь

сгорьзаться.

Мозоревъ (распоряжась поступается на Шмикова).
А тебе заставлю играть! Это ничего, что ты сажу-
шаль шапки! (Идетъ къ столу). А полно все
хорошо. Мы ихъ поставимъ опять точно, какъ
были. (Утомившись вскочить шапки).

Шмиковъ. Нетъ, братъ дружно конечно: я съ тобою
не стану играть.

Мозоревъ. (опять поступается). Можетъ ты не хо-
чешь играть?

Шмиковъ. Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ воз-
можности играть.

Мозоревъ. (подступая какъ говорится къ носу). Нетъ
скажи напрямикъ, ты не хочешь играть.

Шмиковъ (отидетъ поцелитъ). Не хочу!

(Слышнень звучитъ приближающагося колоколь-
ника).

Мозоревъ. (хочетъ драть Шмикову поцелитъ, тогда
схватывается Мозоревъ за одну руку, тогда старает-
ся вырваться и потомъ зоветъ сводей). Порпорирій!
Павлушка! Сюда!..

Шмиковъ (отпускаетъ руку Мозоревъ, онъ отхо-
дитъ. Входятъ Порпорирій и Павлушка).

Мозоревъ. Можетъ ты не хочешь оканчиватъ пар-
тию? Отвѣдай мнѣ напрямикъ.

Шмиковъ (боязливо). Партию нѣтъ возможности
оканчиватъ.

Мозоревъ. Можетъ ты не хочешь оканчиватъ пар-
тию?

Шиниковъ. Если бы ты играл как прилично ес-
ному человеку... но теперь не могу.

Ноздревъ. (Совсем выходит из себя и хватается
за бок). А! так ты не можешь играть! Когда
увидишь, что не твою берет, так и не можешь?
Бейте его! Бейте его!

(Порфирій и Павлушка оулаютъ движение,
чтобы исполнить приказание Капитана. Нозд-
ревъ съ букломъ въ рукахъ хочетъ броситься
на Шиникова. Шиниковъ хватается стулъ, но въ
это время дверь отворяется и входитъ Кати-
танъ-исправникъ).

Авдеевъ послѣднее.

Ты-же и Капитанъ-исправникъ
(Вздоритъ).

Капитанъ-исправникъ. Позвольте узнать
кто здесь 2-нъ Ноздревъ?

Ноздревъ (посл недолгой паузы подходитъ
ближе). Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю
честь говорить?

Капитанъ. Капитанъ-исправникъ.

Ноздревъ. А что вамъ угодно?

Капитанъ. Я пришелъ вамъ объявить сообщен-
ное мнѣ извѣстие, что вы находитесь подъ судомъ
до времени окончанія рѣшенія по вашему делу.

(Порфирій и Павлушка испуганные, стоятъ въ
сторонѣ. Шиниковъ беретъ оураганку и потихонь-
ку ухаживаетъ).

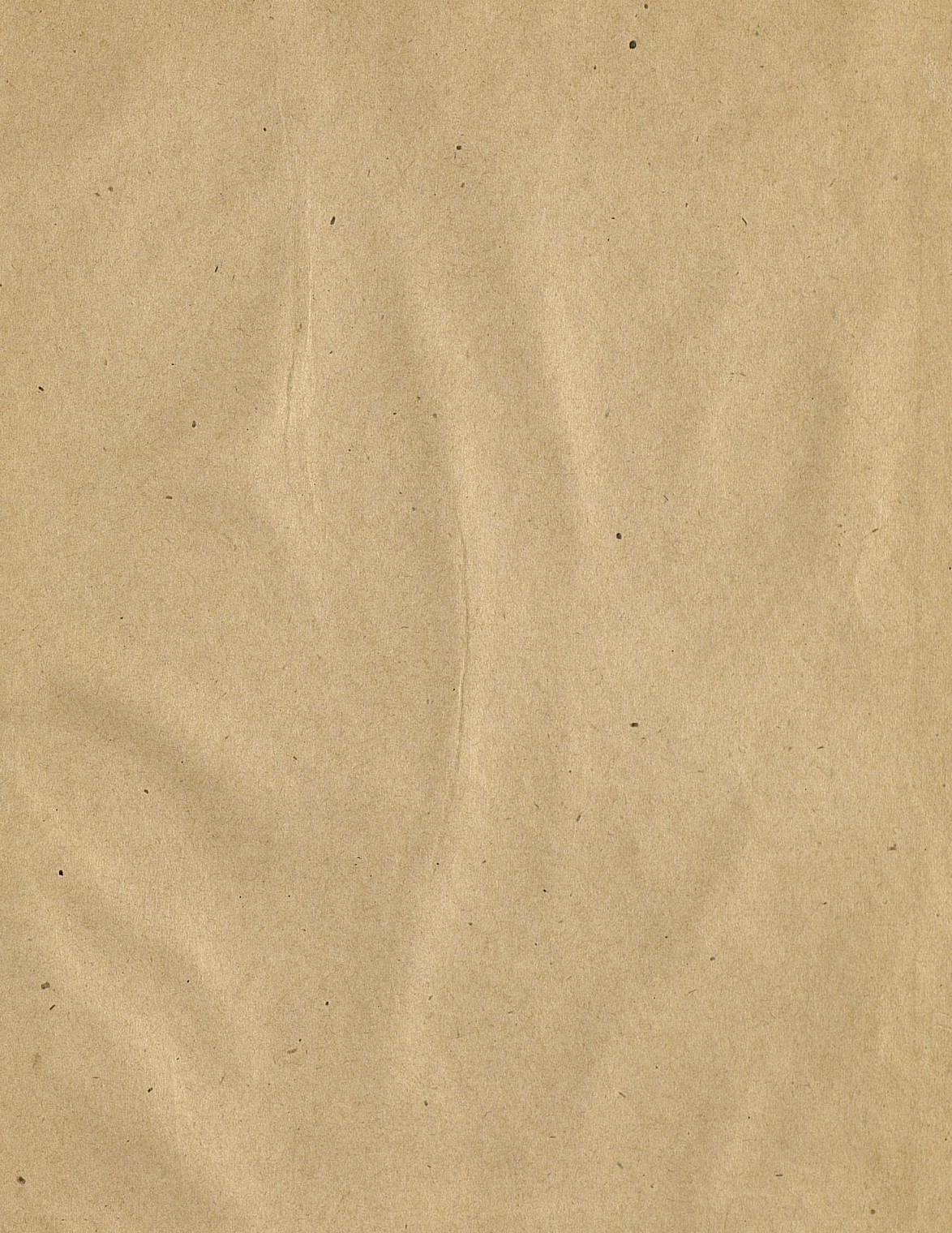
Ноздревъ. Это за вздоръ, по колѣску дѣлу?

Капитанъ. Вы были замѣшаны въ историю, послужило нанесенія пощипки Максимову и никакой обиды не было, въ паче всего.

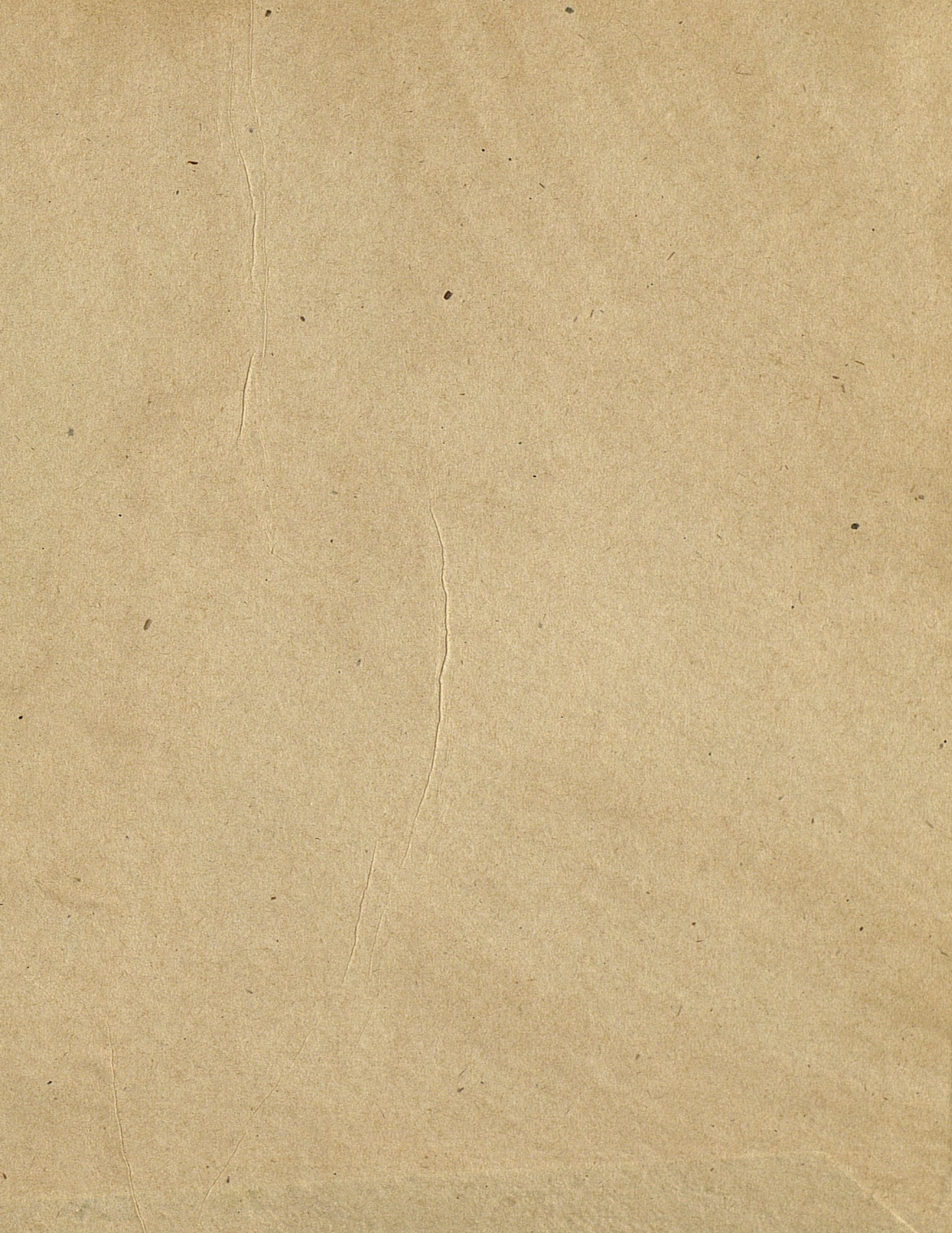
Ноздревъ. Что за вздоръ такой? Вы врете! И въ глаза не видите пощипки Максимова.

Капитанъ. Милостивый государь, позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Занавѣсъ.

2010513494